

Александр Муниров

Вы, люди, сами не определились с собственным местом в окружающем вас мире. То рассуждаете о своем величии, то утверждаете, что маленькие и слабые и ничего собой не представляете.

Александр Муниров

Настоящее чудо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412314

ISBN 9785449374240

Аннотация

Одинокий человек узнает, что его бывшая жена имеет пистолет и, как будто, работает проституткой; девушка, которая считает себя персонажем фильма; несостоявшийся изобретатель, который видит привидение; девушка, которая видит сны о костре. Тысячи жизненных нитей сплетаются в Узор, и за ним неустанно наблюдают и правят, переплетая, меняя или разрывая нити, во имя красоты, практичности или некой великой цели, которую сами владельцы нитей не способны увидеть.

Содержание

0	5
Часть I	13
Гипокрит	13
2	19
3	25
4	30
5	38
6	45
7	53
8	58
9	63
10	67
11	72
12	77
13	82
14	88
15	93
16	100
17	104
18	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Настоящее чудо

Александр Муниров

Дизайнер обложки Катя Дракон

© Александр Муниров, 2018

© Катя Дракон, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7424-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

0

Ложь, Жонглер – понятие весьма относительное и во многом зависит от точки зрения и цели. Скажем, сознательное введение в заблуждение, даже если и не является прямой ложью, таковой может считаться, а может и нет.

Как тебе такие слова:

«Ты знаком с ними, признайся. Каждый день видишь их на улицах и в метро. Они рядом с тобой в магазинах, в кино и на работе. Не замечаешь, но видишь постоянно. Присмотришься, только осторожно, чтобы они не заметили: даже если кажется, будто они веселятся, достаточно одного внимательного взгляда, чтобы понять – это не так. Они – как люди. Носят такую же одежду, какую носишь ты, водят те же машины, что и у тебя, работают в таких же офисах. Как и ты. Но внутри у них уже давно ничего нет, понимаешь? Никакого света. И достаточно одного взгляда в глаза, чтобы понять это, увидеть в них серую асфальтовую пустоту. Все действия, что совершаются ими – это инерция. То, что они привыкли делать раз за разом, выполняя необходимую социальную программу, которой обучались с детства. Условные рефлексы. Они делают вид, что живут полноценной жизнью, но, в то же время, постоянно утверждают, что ей недовольны. И это неудивительно, ведь все самое главное уже утеряно, а без главного все пустое.

Я хожу среди этих... давай назовем их зомби, с тщательно скрываемым страхом. Что произойдет, если они вдруг поймут? Осознают свою истинную природу? Что они тогда сделают? Мне страшно думать об этом. Страшно, но и завораживающе интересно тоже. Прямо сейчас я потягиваю коньяк из бутылки, стоя под козырьком и ожидая, когда закончится дождь. Серый город, серые люди, кругом все серое, яркая реклама лишь подчеркивает эту серость. Осторожно смотрю на прохожих так, чтобы они не увидели моих глаз. Ведь если я могу разглядеть в их глазах безропотную серость, то и они наверняка смогут разглядеть в моих что-нибудь иное, верно? Кто же тогда меня спасет?»

Как ты считаешь, в разрезе всего того, что теперь тебе известно – это ложь или введение в заблуждение? Я могу назвать эти слова художественной аллегорией, однако и ложью тоже.

Авторство слов – мое, но он верил, будто оно принадлежит женщине, с которой лично я никогда не был знаком. Он и сам не мог похвастать близким с ней знакомством. Однако, вследствие заблуждения, причиной которому не в последнюю очередь являлся я, верил, будто она живет в столице, что у нее за плечами два неудачных брака, несколько неудачных романов, десятков неудачных работ и пара неудачных творческих проектов.

Такая была информация о ней в сети в открытом доступе, и он верил ей и потому что хотел верить, и еще потому, что

не верить не было повода.

В самом деле, – рассуждал он, – зачем человеку писать о себе неправду?

В зомби, кстати говоря, верить не хотел.

У него самого, между прочим, из жизненного багажа за плечами имелся один неудачный брак, пара интрижек на двух работах после развода и ни одного творческого проекта. Негусто и банально, как и у многих.

Несколько лет назад, когда интернет, наконец, превратился в глобальную платформу обмена информацией, он и «подруга», которая, к слову, к началу моего рассказа уже была мертва, подобно всем прочим мимолетно-знакомым между собой людям их возраста, добавили друг друга в друзья во всех возможных социальных сетях. Ни разу не обязывающая к дальнейшему общению интернет-вежливость, чему доказательством является тот факт, что они не написали друг другу ни слова в сети до самой ее смерти. Потом уже от ее лица писал я. Не банальное «привет, как дела?», – как делают многие, хотя глупо, согласись, интересоваться делами человека, которыми никогда раньше не интересовался и который живет едва ли не в противоположной точке планеты? Она, или я, в общем, мы, написали: «Я помню, что у тебя был галстук-бабочка. Можешь дать одному человеку всего на один вечер?»

Галстук-бабочка у него конечно же был, но остался в другом городе вместе с молодостью. Да и не нужен был он мне:

было нужно, чтобы он удивился. Не такая уж редкая вещь, этот галстук-бабочка, чтобы просить ее у человека, с кем не общаешься уже десять лет, да и до того ваши разговоры ограничивались мимолетными «привет» и «пока» и то лишь благодаря общей компании.

В тот раз он мог бы, конечно, ответить простое «нет» и закончить с этим. Многие бы так и поступили и тогда мне пришлось бы выдумывать новую причину для обращения к нему. Но момент был выбран верно, и фраза, к моей гордости, подобрана идеально, не сработавшая в другой ситуации и с другим человеком, и он ответил не «нет», а: «Привет. Боюсь, галстука-бабочки у меня под рукой нет. Но могу попробовать найти и передать.»

Впрочем, за верный момент, Жонглер, нужно благодарить дорогую подругу. То было ее идеей.

«Не надо, – написал я, – это было проверкой, и я рада, что ты отозвался. Сегодня просто пишу дурацкие вещи людям, напоминаю о прошлом, исключительно затем, чтобы увидеть, что для кого-то оно еще важно. Понимаешь, друг мой? Я ведь могу назвать тебя другом? Между прочим, ты единственный, кто ответил».

«Друзья», конечно, несколько громкое слово, но опять же, сказанное в нужный момент нужному человеку, работает самым лучшим образом. Ложь это или введение в заблуждение? К тому моменту, что я описываю, у него уже не было друзей, а те, что когда-то имелись – последние лет пять про-

являли дружбу разве что только через поздравления с днем рождения. Он уже и забыл, я думаю, что такое дружба, и такое проявление симпатии, какое проявила она, в его условиях вполне могло быть засчитано самой настоящей дружбой.

Давай, для некоторой классификации, я буду называть свои слова в той переписке – «ей» или «подругой»? Хотя бы потому, что он сам ее так называл.

«Понимаешь ли в чем дело, – писала она, – есть разница между нами прошлыми и нами настоящими. Нынешний возраст – тридцать три года. Иные люди за это время успевали создать целую религию, умереть за нее и воскреснуть. А что сделали мы?»

Он конечно не планировал умирать на кресте, даже если бы после подобной выходки об этом написали книгу и сделали ее самой популярной в мире. Он работал в техническом надзоре за строительством и считал свою работу престижной и важной, не говоря уже о куда большем уровне поощрения за нее, чем за божественные чудеса и пророчества, если верить первоисточнику во времена его создания. Да, Жонглер, не слишком уникальная профессия, но он верил, что обжигать горшки – не так уж и плохо. В конце-концов, их обжигает почти сто процентов всех людей на свете. А если бы каждый начал умирать на кресте, то что за хаос бы начался? Страшно подумать!

«Да ты работай хоть дворником! Но вспомни всю ту грандиозность мира, которая была у нас перед глазами десять

лет назад! Почему сейчас он усох? Признайся, ведь он усох, нивелировался в плоскость, в которой ты сейчас и живешь? Многие оправдывают это профессиональной деформацией и громким словом „взросление“. Но что хорошего в том, что теперь ты видишь куда меньше, чем раньше?»

Это была не самая умная из моих мыслей, но я и не планировал умничать. Важно было вызвать интерес, заинтриговать этого человека. Вывести из зоны комфорта, в которой он уютненько регрессировал день за днем и посмотреть, получится с ним что-нибудь или нет.

«Сажу в кафе, а на меня смотрит ребенок, – читал он, – и глаза у него голубые-голубые, светятся внутренней красотой. Он пронизывает меня насквозь своим взглядом, очищает легкие от курева и кровь от вчерашнего алкоголя. Заставляет чувствовать, что я и все эти гадости, физические и не только – совершенно разные вещи.»

Только представь, Жонглер:

Прочитав этот текст с экрана телефона, он поднимается с дивана, где спал прямо в одежде, укрывшись пледом, и случайно сбивает стоящий на полу пустой бокал из под вчерашнего коньяка, а тот падает прямо на пепельницу, рассыпая обгоревшие останки сигарет. Вполголоса ругаясь, идет включать чайник, чтобы после развести в кипятке мерзкий растворимый кофе, а после направляется в ванную, где долго разглядывает в зеркало опухшее от сна и алкоголя лицо, черные мешки под глазами и черную, трехдневную щетину.

Позже он прочитает новое сообщение: «И я понимаю, что меня наполняет какое-то иное чувство, будто ребенок, который никогда не курил и не пил, обладает особыми силами, уже давно мною потерянными и теперь делится ими со мной, так как у него этих сил чрезмерно много, и он просто не знает, на что их потратить. А потом улыбнулся и... о божечки, я, кажется, теперь никогда не буду пить».

Дело конечно же было не в алкоголе или никотине. Я просто играл словами, нащупывая слабые точки и подбирая подходящие, из всего того набора образов симпатий и антипатий, которые сочинило человечество за все время своего развития. Ввожу в заблуждение, но, тем не менее, рассказываю о настоящих вещах. А он потом стоит под душем, не для того, чтобы смыть с себя грязь, а чтобы хоть немного проснуться. Разглядывает, будто на медосмотре, свое тело перед зеркалом, причесывая правильным образом уже довольно редкие волосы на голове, чтобы припрятать лысинку и втягивая уже хорошо наметившийся животик, думая, что если наденет рубашку размером побольше, то тот будет не слишком заметен. Пьет кофе, размышляя, что, в принципе, он еще ничего. Не красавец, конечно, но вполне благообразный мужчина средних лет, с хорошей работой и обычной внешностью. Обычной, для мужчины средних лет. Как минимум, не хуже прочих. А раз так, рассуждает, то весь этот треп относительно детей, алкоголя и прочего – милые женские мысли излишне творческой девицы. Излишне, потому что твор-

чество ей мешает нормально жить. А вот про то, что физический пик его жизни уже пройден, а ничего важного так и не было сделано – он не думает.

И, покончив с самовнушениями, идет на работу.

Примерно так целый год он и жил, и я за ним наблюдал, а через год мы с тобой познакомились.

Часть I

Гипокрит

1

Из своей большой квартиры в даунтауне, дорогой и солидной, какую и полагалось иметь уважаемому человеку, на работу он выходил в одно и то же время. Квартира располагалась, как ты знаешь, на шестнадцатом этаже – достаточно высоко, чтобы не слышать раздражающих звуков машин с улицы, но, при этом, недостаточно высоко, чтобы видеть из окна что-либо иное, кроме окон других высотных домов.

Я не просто так упомянул «уважение»: оно было тем социальным критерием, за которое он и держался, стараясь соответствовать образу «уважаемого человека». Например, читал по утрам новости, чтобы потом было что обсудить на работе с коллегами: о надуманных проблемах с экологией, нарочно раздувавшихся до мировых масштабов, чтобы люди вкладывали деньги в нерентабельные проекты; о коррупционных и политических скандалах, которые все так любят обсуждать; о военных операциях, ценах на продукты и других вещах. В действительности, он не любил новости и не интересовался даже жизнью соседей в соседних кварти-

рах, не говоря уже о чем-то более удаленном, если оно выходило за рамки должностных обязанностей, но все равно читал, потому что так делали все.

Уважаемые люди читают новости и находятся в курсе последних событий.

До того, как выйти, он наводил порядок в комнате, шел в ванную и скоблил лицо бритвой, стоял, как я уже рассказывал, под душем и после рассматривал себя в зеркале. Проверял погоду и долго подбирал одежду, чтобы выглядеть одновременно привлекательным, современным и солидным – брюки, рубашку, галстук – все должно подходить друг к другу. Уважаемые люди одеваются одинаково, но со вкусом. Радовался тому, что пиджаки шьются таким образом, чтобы скрыть недостатки фигуры, превращая толстых просто в крепких, а худых – просто в стройных. Правда, он не считал себя толстым, хотя, в качестве компромисса между своим видением и объективной реальностью, и признавал за собой некоторую склонность к излишнему весу.

Так было и в тот день, в середине весны, когда ты и я, наконец, познакомились, на исходе года нашего с ним общения: он проделал все заученные, до автоматизма, необходимые утренние действия и вышел из квартиры, держа в одной руке зонт, а в другой дорогой кожаный портфель.

У него была и машина, какой же уважаемый человек без машины? Но на метро из центра города и до работы добиралось быстрее, оттого личный транспорт, чаще всего, про-

сто стоял на подземной парковке, дожидаясь выходных, в которые он ездил по магазинам, покупая продукты на неделю вперед. Для других поездок машина почти никогда не использовалась.

Противные апрельские дожди, раздражавшие большую часть людей, понемногу сходили на нет, но мало кто доверял погоде и потому окружающие продолжали одеваться в плащи, брать с собой зонты и поглядывать на тучи, торопясь поскорее уйти туда, где их не могла бы настичь не зарегулированная разного рода обязательствами природа.

В тот день окружающий мир не обманул их ожиданий, позволив лишний раз убедиться в собственной предусмотрительности. Но об этом позже.

В лифте ему в очередной раз встретилась юная девушка. Да-да, это я уже о тебе.

– Здравствуйте.

– Доброе утро.

Вот как он видел тебя: милое создание, с пшеничного цвета волосами до пояса, одетая очень небогато: светлый плащ, совершенно неподходящий ни старым сапогам, ни джинсам. По утрам вы, к его досаде, частенько встречались в лифте, по вечерам же он не менее часто встречал тебя с другой, более взрослой женщиной – мамой, если вы возвращались назад из магазина.

По правилам хорошего тона, вам уже надо было найти хотя бы одну тему для беседы. Но о чем разговаривать с юными

девушками так, чтобы слова нельзя было интерпретировать желанием чего-то большего, он не знал. Ты чувствовала что-то похожее, я подсмотрел это, потому здоровалась и тут же отворачивалась, делая вид, будто погружена в свои мысли.

– Доброе утро! – с недовольным видом сказал портье, взглянувший из-за своего стола. Вечером у него возникнут проблемы, но об этом портье не мог знать, а его недовольство было пока что связано лишь с тем, что в его запасах вышел весь сахар к кофе, и он транслировал свою неудовлетворенную потребность в углеводах окружающему миру в той степени, в какой позволяла должность.

– Доброе утро, – почти хором ответили вы.

И он, и ты шли в одном направлении – на одну и ту же станцию метро, где после разъезжались, каждый по своим делам. Путь на станцию занимал пять минут и для того чтобы не идти рядом с полужнакомым человеком всякий раз приходилось выдумывать повод разминуться. Ты, обычно, останавливалась посреди улицы и смотрела в телефон, делая вид, будто что-то читаешь. Он же, сегодня, как обычно, подошел к газетному киоску и задержался у него, глядя в ничего не значащие заголовки, а на самом деле просто считая до двадцати, прежде чем пойти дальше. За двадцать счетов твой светлый плащ почти всегда успевал утонуть в человеческом потоке.

Далее следовал спуск по кишке эскалатора вниз и вход в кишку метро. Он работал в промзоне и ехал из центра,

на этой станции выходили многие, одетые также стандартно – уважаемые мужчины и женщины в деловом, стремящиеся поскорее рассесться по офисам даунтауна; он же шел поперек потока на окраины, взамен не престижного расположения работы имея возможность сесть в вагоне. Усевшись, доставал телефон и проверял, как и весь последний год, сообщения от подруги:

«Ты знаком с ними, признайся. Каждый день видишь их на улицах и в метро...»

Подруга была единственной, из известных ему людей, кто писал нечто подобное, по меньшей мере так, чтобы было интересно читать. И единственной, кто писал ему постоянно. Это эпистолярное мастерство и манило, сильно выделяя ее среди других людей, включая и его самого, предпочитавших куда более конкретное общение:

«Не хочешь сходить куда-нибудь выпить?» – писал он, например, какой-нибудь знакомой даме, с которой можно было бы рассчитывать на романтическое продолжение.

«Пошли.» – могла бы ответить она (но чаще отказывала) и, вроде как, разговор считался законченным.

Или:

«Видел новость об очередном убийстве?» – обращаясь к какому-нибудь коллеге, – «Опять мужчина из твоего района».

«Ага. Ужас.» – вот и весь ответ. Разговор окончен.

Конкретно и точно. Скучно и сухо.

«...Ведь если я могу разглядеть в их глазах безропотную серость, то и они наверняка смогут разглядеть в моих что-нибудь иное, верно? Кто же тогда меня спасет?»

В тот день он поднял глаза и оглядел скучный, с обшарпанным пластиком «под дерево», пронизанный тусклым светом, вагон. Напротив сидела женщина под сорок в, уже несколько не по сезону, черном пальто с белым воротником из жиденького, искусственного меха, делающего, вопреки замыслу, ее верхнюю одежду еще беднее на вид. Поймав взгляд, она тут же потупилась, хотя до того тоже его разглядывала пусть и без особого интереса – просто скуки ради. Рядом, опираясь на поручень плечом, стоял молодой человек в спортивном костюме, держа в руке телефон, от которого к голове тянулись наушники. Голова ритмично качалась в такт неслышимой музыке, как у копеечных собачек на панелях автомобилей. По другую сторону от женщины, поставив на колени портфель, сидел человек в костюме, почти точная копия нашего героя, разве что волосы на голове были еще более редкими. Рядом с ним – подросток, казавшийся старше на десять лет из-за модной ныне бороды, бездумно смотревший в окно на пучки кабелей, ползущих вдоль стен тоннеля.

Ничего необычного. Он не видел того, о чем писал ему я, и это неудивительно, потому что он и сам – обычный. Не видел, и не хотел видеть до самого вечера.

2

«Я часто вспоминаю детство. Оно не было счастливым, безоблачным, нет, напротив: наше с тобой взросление пришлось, пожалуй, на одно из самых неудачных времен в стране: разруха, социальные потрясения, тотальное отсутствие денег у родителей, повальный бандитизм, парадоксально казавшийся тогда чем-то весьма уважаемым. Я совершенно не люблю тот период. Но помнишь это ощущение? Мир, несмотря на все сложности и проблемы – огромный и загадочный. Из каждого подвала на тебя смотрят глаза, в каждом незнакомом дворе таится какая-то опасность, не такая конкретная и омерзительная, как трясущиеся наркоманы, о которых постоянно твердят родители, или гиперболизировано размалеванные проститутки, которых вообще бояться не стоило; более непонятная и потому гораздо более притягательная. Никто из взрослых не был способен ответить на все мои вопросы простыми словами и оттого приходилось самостоятельно додумывать, наделять предметы новыми свойствами, превращая мир в иную, свою реальность. С этого, наверное, и пошли все наши увлечения».

Он прочитал это сообщение на работе за год до нашей встречи, задержавшись допоздна за проверкой отчета: с одного из курируемых объектов слишком поздно прислали акты выполненных работ, и теперь их нужно было просмотреть.

реть и подписать, чтобы подрядчик мог получить за них деньги – в общем, слишком много бюрократии, чтобы долго о ней рассказывать. Замечу только, что он мог бы и упереться, сказав, что надо было раньше оформлять документацию и был бы прав. Но тут вставал, как я понял, покопавшись в его голове, вопрос профессиональной этики: любое строительное делопроизводство во многом строилось на взаимопонимании; мировые тенденции, если верить выписываемой им технической литературе, вели к ускорению процессов, а строительная сфера к ним адаптировалась медленно и потому предпочитала экономить время на том, что можно было сделать в последнюю очередь. Например, на оформлении исполнительной документации, и это все понимали.

Тем не менее, и оставлять без проверки документы было нельзя – это запрещала уже профессиональная гордость, так как, кроме взаимопонимания, строительное делопроизводство зачастую отличалось попытками закрыть больше работ, нежели было сделано. И строительный надзор как раз и был тем самым органом, который за этим следил.

А он, чтобы ты знала, работал начальником строительного надзора.

В тот вечер, это обернулось половиной одиннадцатого вечера и пустым офисом, с заваленными бумагами столами. Он сидел за горящим монитором в одиночестве, в темном помещении, и охранник уже дважды заходил, в первый раз просто молча, якобы что-то проверить, в последний раз веж-

ливо спросив, когда ему уже можно будет поставить здание на сигнализацию.

Смысл фразы подруги он уловил не сразу, какое-то время по инерции, продолжая переключать бумаги из стопки непроверенных, в проверенные. Но когда основная мысль моего крошечного, но разрушительного текста все-таки родила нужный электрический импульс в мозге, он оторвался от работы, откинулся в кресле и задумчиво сделал глоток отвратительного и остывшего кофе из местной грязной кофемашины, которой все, почему-то, здесь гордились.

Детство. Что там было в детстве?

Самое его яркое воспоминание о тех днях было связано, ты не поверишь, с беспомощностью и старым стоматологическим кабинетом, больше похожим на пыточную – яркий свет бьет в лицо, и врач, закрыв усмешку повязкой, наклоняется, держа в руках тонкие и острые инструменты, чтобы причинять ими боль. И понятно, что лучше не дергаться, так как, отрицательно мотать головой с блестящими острыми штукаками во рту – идея – не самая лучшая. И последующее уютное ощущение, когда все заканчивается, и ты, уставший и зареванный, униженный жестоким обращением с собой, не совсем понимая стоила ли польза случившегося, отдыхаешь где-нибудь у мамы на коленях.

Но я имел ввиду совсем не то, и он это тоже понимал. Да и что там, по настоящему от физической боли он никогда не страдал, ни в прошлом, ни в настоящем, та ужасающая

детская стоматология не в счет. Другие дети ломали себе руки с ногами, попадали под машины, изо всех сил бились головами о железные детские горки, скатываясь с них на санках, стреляли друг в друга из отцовских пистолетов, стремясь наиграться во все-все, пока еще не достигнут возраста, в котором это уже становится стыдно, а он мог противопоставить всем инфантильным актам саморазрушения только стоматолога, да и то по принуждению. Мама еще рассказывала, будто в возрасте около года он чуть было не умер от какой-то пневмонии, но это никак не отложилось в воспоминаниях.

И он ответил:

«Мое детство было довольно заурядным, хотя я сам себе казался центром Вселенной. Обожаемый, главный ребенок, которого подвергают испытаниям, но всегда со счастливым исходом. Верил в то, что со мной ничего не могло произойти, иначе бы вся Вселенная рухнула. Никто бы этого никогда не допустил».

В бой пошла последняя пачка документов – самые старые и потому самые легкие в проверке. Все выполненные работы в них уже обсуждались не один раз.

«Не верю, что у человека с такой юностью, детство было заурядным. Уверена то, что ты считал заурядным, для других детей было чем-то исключительным!»

Разумеется в это он не поверил. Да я и сам не поверил бы в такую чудовищную ложь.

Через пятнадцать минут, выключив компьютер и пройдя по мертвым коридорам до лестницы и охранника, отчитавшись, что техника обесточена, окна закрыты, а офис можно ставить на сигнализацию, он вышел на улицу и посмотрел на часы. Метро уже не работало.

Усевшись на специальную лавочку для курящих в специально отведенном месте, подальше от окон, ровно в центре парковки, он вызвал такси и достал сигарету.

На пустой расчерченной асфальтовой площади, обслуживающей шестиэтажное грязно-белое здание с широкими окнами, где и располагался офис его компании, стоял только один автомобиль, вероятно охранника – пыльный, с трещиной на бампере, а на лавочке сидел только он – уважаемый человек, в скучном костюме, стоимостью в среднюю зарплату человека классом ниже. На улице собирался капризничать мелкий дождик, природа была безразлична к статусу человека, способная намочить даже самого уважаемого из людей, если он не успеет вовремя прыгнуть в такси.

– Да уж, – сказал он себе, но так, словно в пику подруге, – сперва ты считаешь себя уникальным, а потом сидишь ночью и ждешь такси на пустой парковке.

Потом он ехал на заднем сиденье самой стандартной машины на свете, какие и отбирают для такси, слушал вместе с водителем новости о случившемся, где-то в другом краю мира, теракте и глядел на ночной мокрый город, который, за три года жизни в нем, так толком и не узнал.

Оказавшись дома, не включая верхнего света, достал старый салат, оставшийся со вчерашнего дня, налил немного коньяка из бутылки, оставшейся со вчерашнего же дня. Стащил с себя одежду и лег спать на неразложенный диван, укрывшись одним пледом, вслушиваясь в звуки ночного города через полуоткрытое окно – единый неразборчивый гул, незамолкающий голос человечества.

– Не верю, что у человека с такой юностью, детство было заурядным, – повторил он сам себе, перед тем, как закрыть глаза.

Это случилось, Жонглер, на второй день моего с ним заочного общения и поверь, за год он придумал множество защит, чтобы не видеть очевидного и тем изрядно меня разочаровал. Потому с ним все и получилось именно таким образом.

3

Все свои мысли, что возникали от общения со своей «подругой», он долгое время относил к кризису среднего возраста и, держась за эту мысль как за спасательный круг, продолжал жить своей жизнью.

Хорошая работа, хорошая квартира, отличный послужной список, всего этого он добился исключительно своим трудом, – убеждал себя. Хороший противовес разного рода лишним мыслям в голове, и он обращался к перечислению нажитого всякий раз, когда в голове возникало что-либо противоречащее привычному. И был, в своем роде, прав.

Он закончил университет, не самый престижный, но очень практичный, инженерный. Пока другие, став историками, философами или математиками, шли, по окончании учебы, продавать телефоны, поскольку на одно вакантное место историка приходится десять вакантных мест продавцов разного рода гаджетов и, впоследствии, ломали голову над тем, зачем им вообще понадобилось высшее образование, он отправился работать по специальности. Инженеров в стране как раз не хватало – слишком долго это считалось куда менее престижным способом добыть себе кусок хлеба, нежели разные полузаконные методы владельцев собственного бизнеса, так что по окончании учебы его с радостью взяли на не очень высокооплачиваемую, но перспективную

работу. Набравшись некоторого опыта в строительном деле, за пять лет он докарабкался со статуса ведущего специалиста, потом до руководящей должности, а после ушел в строительный надзор, где стал курировать то, что еще недавно строил. Через три года нашел место получше и уехал работать сюда – из небольшого провинциального города в мегаполис, где стройки не прекращались и жаловаться на отсутствие работы или низкие зарплаты, при серьезной потребности в строительстве, не приходилось. А через год и здесь стал начальником отдела и на том пока остановился. Таким я его и застал.

Умный, авторитетный, с большим опытом и хорошими отношениями с подчиненными, на хорошем счету у руководства и профильных организаций, требовательный, но справедливый, без лишней придирчивости – вот то, что он слышал от своих коллег на каждый свой день рождения. Можно было еще добавить, что он ни при каких обстоятельствах не берет взяток и ни разу не воспользовался служебным положением в личных целях. Просто идеальный работник, которому не за что краснеть.

Ты знаешь теперь, Жонглер, как я отношусь к таким людям.

– Нам нужно развестись, – сказала его жена спустя три года после свадьбы, ровно на годовщину.

– В чем причина такого решения? – он не то, чтобы уди-

вился, все к тому шло уже давно, думал он позже: весь последний год жена становилась все холоднее и отстраненнее с каждым месяцем, – но все ведь было неприятно.

– Ни в чем, – ответила она чересчур спокойным голосом для человека, который только что доломал свою личную жизнь.

Потом жена куда-то ушла, а он остался сидеть на диване и думать о ней, попивая коньяк. А следующим утром, когда супруга вернулась, сказал:

– Хорошо, если тебе так хочется – давай разводиться. Можешь забрать из дома все что захочешь.

Если ей от этого будет лучше, – убеждал он себя, втайне надеясь, что она передумает – пусть так и будет.

Но жена не передумала.

В тот же день они написали заявление о разводе и месяц до получения свидетельства о расторжении брака почти не разговаривали, ходили по квартире, как призраки семьи, на которую три года назад все смотрели с завистью и пророчили прекрасное будущее. Спустя месяц она исчезла из его жизни, забрав из нее все, что хотела. Не так уж и много, между прочим, если не считать семейных накоплений.

Супруга обычно преподносила себя человеком с большим талантом к фотографии и повсюду таскалась с камерой, снимая все подряд, а после кое-что выкладывая в интернет. Работать она не работала, но он не особо беспокоился на этот счет, так как к тому моменту вполне мог обеспечить хоро-

шую жизнь и двум людям, и даже трем, в том случае, если бы они решили завести ребенка.

Признаться, я и сам обманулся, когда копался в его воспоминаниях, воспринимая бывшую жену этаким гедонистом с завышенным самомнением и сильно удивился, когда увидел ее настоящую.

Приехав на работу в день нашей настоящей встречи, через год после того, как я ему впервые написал от лица бывшей полузнакомой, он, привычно поздоровавшись со всеми коллегами и сходяв на ежедневную планерку, налил себе кофе, открыл почту и обнаружил там уведомление, что страница с фотографиями его жены, на которую он все еще был подписан, удалена владельцем.

– Интересно... – пробормотал он и полез изучать жизнь супруги в интернете, быстро выяснив, что то же самое касалось многочисленных социальных сетей, блогов, форумов, где она была зарегистрирована и писала или, чаще, не писала в них, просто присутствуя.

Он залез даже на Тот Самый Сайт, Жонглер, несмотря на то, что системный администратор за такое вполне мог бы его сдать, и тогда он получил бы замечание от руководства. Но и там бывшей супруги не оказалось.

Он безуспешно набрал в поисковике ее имя – интернет ничего не выдавал. О бывшей жене теперь напоминали лишь два штампа в паспорте – о заключении брака и о его растор-

жении.

«Никогда не обращал внимание на уборщиков? Я однажды вот о чем подумала: все здание обслуживается минимум десятком человек. Уборщицы и уборщики, электрики, слесари, охрана... впрочем, охрану можно не считать. А еще есть дворники, вентиляционщики... все те люди, без которых здание не будет жизнеспособным. Как полезные микроорганизмы, они приводят все в порядок, следят за тем, чтобы здание работало как надо. Системные администраторы, повара в столовых... признайся, большую часть этих людей ты даже не помнишь в лицо. Человек моет пол рядом с твоим компьютером, а ты не обращаешь на него внимания. А между тем, у них есть ключи от всех дверей и, вероятно, доступ ко многим важным документам. Кинут они какой-нибудь отравы в вентиляцию и все. И все».

Это я написал одиннадцать месяцев назад.

Он как раз вернулся из командировки. Ездил проходить аттестацию и вез назад очередное удостоверение доказывающее, что идеально подходит для своей работы.

– Здравствуйте, – сказал через минуту в трубку телефона технический директор – совершенно никчемная, с его точки зрения, профессия, задача которой подписывать письма, делая вид, будто в них разбираешься. На его работе техническим директором был сын одного из учредителей, на два

года его младше, с восполняющей недостаток опыта значительной важностью. Во всяком случае в тех ситуациях, когда не требовалась консультация, – а вы уже приехали? У нас тут небольшая проблема...

Небольшая проблема означала необходимость проверить результаты комиссии по расследованию несчастного случая на производстве: Сорвавшаяся с крана бетонная плита упала на самосвал с песком, водитель остался жив, но сломал себе несколько костей, ударившись о дверцу, когда машина завалилась на бок. Для технического директора проблема заключалась не столько в самом факте покалеченного водителя, сколько в том, что строительный надзор может за это нести ответственность. Что, естественно, сказывалось на репутации компании, не говоря уже о сумме на лечение пострадавшего.

– Регламентный срок заключения комиссии завтра. От вас требуется оценка деятельности наших людей на объекте и подпись. Они уже написали отчет...

Также это означало, что теперь придется ехать на работу, а не домой.

Майская погода – особенная для городов, что на зиму оказываются под снегом. Март – это грязь и лужи. В апреле город слишком серый, лишь к концу месяца начинающий зеленеть первой, жалкой, урбанизированной растительностью, растущей сквозь антропогенный слой из похороненного под тонкой старой почвой человеческого мусора. А май – уже

полноценное торжество зелени и жизни. Люди чувствуют это и начинают больше улыбаться, по городу начинают снова парочки влюбленных, не пытаясь поскорее укрыться в какой-нибудь кофейне от неприглядных городских пейзажей, а прочие жители перестают куда-либо торопиться и просто гуляют, наслаждаясь этим промежуточным временем между грядущей бетонной, летней, городской духотой и ушедшей слякотью.

– Все изменилось. Надо ехать в промзону, – коротко сказал он ранее вызванному таксисту и, упав на заднее сиденье, раздраженно бросил сумку на соседнее место.

Мимо проносились деревья, в их молодой листве играло, будто дразня, яркое солнце. Чем дальше в промзону – тем больше зелени. Мало кто знает, Жонглер, но, вопреки воплям разного рода экологов, требования к окружающей среде на промышленных объектах гораздо выше требований к остальной городской застройке и потому там гораздо чище, чем на любой из улиц. Гуляя в промзоне, можно легко представить, будто заводы и заводики, промышленные комплексы и административные здания, где принимаются все решения о строительстве новых заводов, разбросаны в парках. Разве что, вместо уютных пешеходных дорожек, проложены дороги обычные, по которым катятся тяжелые грузовики. Территория промышленности, где все природное переделывается в новое и очеловеченное – одно из наиболее близких к природе мест из всех, где люди бывают постоянно

и в больших количествах. Мне хочется верить, что в этом проявляется двойственность человека – с одной стороны заскоружная практичность, как следствие создания надежных инструментов для выживания, с другой – тяга к некоторой творческой натуралистической эстетике, нарушающая практичность. Они свойственны всем людям, хотя в выбранном вами пути, последнее всплывает все реже, и это заметно хотя бы в том, что эстетики в ваших творениях становится все меньше.

В тот день кое-что произошло. Какая-то обида на ограничение своей свободы работой или теплый майский день что-то пробудили в его голове, заставив написать мне, в ответ, следующее:

«А я сегодня это проверю,» – чрезвычайно тем меня удивив.

Времени было шесть часов вечера; официальный рабочий день как раз закончился и встретить того же технического директора на работе, нивелирующего последствия сложившейся небольшой проблемы, было уже невозможно. Зато встретить обслуживающий персонал, убирающий за теми, кто принимает такие важные решения – запросто.

– Что-то вы поздно, – неудачно пошутил охранник у турникета, когда он пересек пустеющую, на глазах, парковку перед зданием и вошел в фойе.

– Угу, – ответил он и нажал на кнопку вызова лифта.

На его этаже как раз мыли пол. Молодая женщина в си-

ней спецодежде, обставившись знаками, сигнализирующими о мокрой поверхности, елозила шваброй по дорожке, песчаного цвета, плитке. Светлые волосы собраны в хвост, на руках – синие же перчатки. В воздухе едва заметно пахло каким-то моющим средством с хлором.

Видел ли он ее раньше, или она работает здесь недавно? Уборщица была похожа на всех уборщиц разом, которых он когда либо видел. Почувствовав на себе взгляд, женщина повернула голову в его сторону – в одном ухе был наушник, кабелем уходящий в карман.

– Здравствуйте, – сказала она, чуть растерянно, будто не понимая, что ему нужно, будто она только что была невидимой, а он все равно увидел.

– Здравствуйте, – ответил он, сразу почувствовав себя неловко и толкнул дверь в свой кабинет.

Вот и проверил.

Внутри никого не было. Вообще, надо сказать, в его отделе большая часть столов всегда пустовала – только начальник, то есть он, здесь бывал часто, остальные разъезжались по объектам, появляясь только тогда, когда было необходимо заняться подписью каких-нибудь документов, или когда требовалось официально оформить очередную поездку.

Он открыл компьютер, почту, сел изучать материалы, направленные его же людьми. Ничего сложного: «Нарушение техники безопасности и производственных процессов носило случайный характер и не может быть квалифициро-

вано просчетом в работе строительного надзора...» Обычная бюрократическая вода, предназначенная для того, чтобы потом, если вдруг начнут разбираться следователи, виновным назначили кого угодно, только не его работников. Да и незачем было грузовику проезжать под работающим краном, а строительный надзор не может контролировать каждое крепление на стройке. Для этого есть другие люди.

Вся оценка ситуации заняла десять минут. Составление отчета – еще пятнадцать. За это время я успел прислать еще одно сообщение:

«А ты знаешь, где располагается подсобка в твоём офисе?»

Он и правда не знал. Но когда с работой было покончено, и компьютер погас, подхватил сумку, вышел в коридор и внимательно его оглядел. Уборщица уже ушла, оставив после себя чистый пол и звенящую тишину. Он сделал пару шагов, прислушиваясь: звуки были чуть иными, будто сейчас он вступил в незнакомое пространство, с виду похожее на его офис; будто он попал в другой мир, о котором, среди прочего, думал в юности; будто спишь и снится работа, в которой почему-то не шелестят принтеры и никто не разговаривает по телефону.

Я ждал.

Он осторожно прошел по коридору в поисках какой-нибудь двери, назначения комнаты которой бы не знал. Таковых, только на этом этаже, оказалось две. Он всегда прохо-

дид мимо них, не обращая внимания, но в тот день он повернул ручку первой, потом второй – обе двери предсказуемо были заперты, на них не имелось ни номеров, ни табличек. Я могу тебе рассказать, что было за ними – в одной располагалась неиспользуемая душевая, в которой все та же уборщица хранила свои тряпки. В другой размещалась венткамера. Он и сам мог бы догадаться – многолетний опыт строительства общественных зданий подсказывал верные ответы, но в тот момент в нем пробудился юношеский интерес к неведомому, таинственное детское «а вдруг», заслонившее профессиональное знание, превращавшее банальный мир в непредсказуемый и таинственный.

Я ждал, когда в нем пробудится свет.

Этот интерес заставил подняться на этаж выше и там подергать ручки у незнакомых дверей. И этажом выше тоже. И дальше тоже.

– Вы что-то ищете? – раздался голос охранника на лестничной клетке, когда он добрался до шестого.

Посмотрев вниз, он увидел, как тот, запрокинув голову, заглядывает между перилами.

– Нет, просто гуляю – ответил, – а что, это запрещено?

Охранник открыл было рот для хлесткого ответа, но официальной причины для запрета подобного рода подозрительной деятельности в тот раз не нашлось, и поэтому он сказал то, что полагалось говорить людям, которые оказались не там, где им должно находиться:

– Вы закончили работать? Если да, давайте я вас провожу вниз.

Свет так и не появился, но мне еще хотелось верить, будто дорогая подруга подбросила стоящего человека.

Кризис среднего возраста пройдет, а достижения останутся, – убеждал он себя тот день на работе.

«Подруга» совершенно не вписывалась в его образ жизни, за последний год это понял бы даже самый глупый из людей, а он таковым не был. Но он понимал также и то, что мог закончить их общение, если бы хотел: удалил бы из друзей, свел бы общение к нулю, ушел с головой в свое комфортное одиночество, где есть работа, алкоголь и обязательное прочтение новостей, приправленное хорошей жизнью уважаемого человека.

Но он этого не делал – не дали те самые остатки любопытства, что заставили его одиннадцать месяцев назад дергать ручки у дверей на работе. Пустота внутри еще не была абсолютной, и крошечные лучи света, если позволишь такую аллегорию, еще кололи, напоминая, какую сделку он совершил со своей жизнью, расходясь с логикой, не позволяя на сто процентов нырнуть с головой в пучину инертной жизни, пока, пусть и в интернете, имеется кто-то, еще способный это любопытство вызвать. Люди неосознанно тянутся к свету, ты это помнишь, и его проявлениям, ведь это часть их сути, пусть во многом и потерянная.

Подруга занималась, как он верил из переписки, то иллюстрациями, то журналистикой, то танцами. Чем-то творче-

ским, как и его бывшая жена. А он считал, после развода, что слово «творческое» всего лишь дает людям моральное право задирать нос перед другими, в то же время не делая ничего по настоящему полезного или грандиозного.

Творческое – сиречь неэффективное. Создать шедевр возможно лишь тем, кто привык работать, достигать результатов, а не вложив усилий – ничего и не добьешься. То есть, сделать слово «творческое» не образом жизни, но целью. Подруга же, – убеждал он себя, – как и бывшая жена, не имела достаточно мотивации, чтобы устойчиво держать один вектор, и ее жизненный курс менялся слишком часто, чтобы успеть сделать что-то значимое в одном направлении.

И если насчет жены он фатально ошибался, думая таким образом, то насчет той, кого он называл своей подругой оказался полностью прав: она действительно была слишком поверхностной, да и умерла глупо, отравившись поддельным коньяком из полуподпольного магазина, продававшего алкоголь в те часы, в которые продавать было запрещено.

В тот день он задавался и другими вопросами, которые назойливо лезли ему в голову, мешая нормально выполнять свои обязанности. Например, об исчезнувшей отовсюду бывшей жене. И о зомби. И о многом еще, на первый взгляд очень косвенно с этим связанным. Например: любит ли он свою работу? И что это вообще означает – любить свою работу?

Предположим, электрик, – рассуждал он, – что работает

в здании, зашедший утром в кабинет, чтобы прозвонить розетки. В отличие от многих своих коллег, этот ходил в чистой форменной одежде и с хорошими инструментами. На вид ему было лет тридцать или чуть больше – его ровесник. Возможно даже имеет высшее образование, просто жизнь, в свое время, повернулась к нему такой своей стороной, что оказалось выгоднее работать электриком, нежели каким-нибудь офис-менеджером. Любил ли он свою работу?

Электрик никогда, во всяком случае при нем, на работу не жаловался. С другой стороны, нельзя сказать также, чтобы делал свое дело с энтузиазмом, от которого заражались окружающие и становилось понятно, что выбранная профессия ему по душе. Обычный электрик, разве что чище многих; сделал свое дело и ушел.

Точно так же поступали и его подчиненные. Никто особо не рвался делать свою работу – оформлять бумажки или ездить по стройкам и ругаться со строителями из-за неправильно уложенных труб на складе и отсутствия необходимых документов у сварщиков. Да и в офисе, когда они там появлялись – мужики в спецовках, с белыми касками, как и положено строительному надзору, разговаривали между собой и с ним разговаривали о предстоящем отпуске, произошедших терактах, политических кризисах, спорте или других делах, мало связанных с работой; о семье, детях, или о том, как сходили куда-нибудь в бар. При этом все знали свое дело и никто не жаловался, и он не мог жаловаться на своих

подчиненных. Любили ли они свою работу?

В тот день, обедая, он внимательно разглядывал убранство столовой. Обеденный зал был оформлен с претензией на уют: нежно-персиковые стены, украшенные клубничками и цветочками, пестрые занавесочки на окнах, солонки в виде грибочков на столиках. Безвкусица, рассчитанная скорее на детский сад, нежели на серьезное учреждение, будто специально сделанная в пик черн-белому офисному окружению. Место для отдыха, вызывавшее желание поскорее бежать отсюда назад, на рабочее место. Раньше он не обращал на это внимания, а теперь вдруг резануло. И в этой абсурдной аляповатости питались люди – еда здесь была не самого лучшего качества, но в округе найти другую столовую было непросто – все-таки промзона, и на многие объекты со столовыми просто так не запускали.

В очереди на раздаче стояли коллеги: несколько умудренных опытом и сединами человек из отдела экспертизы документации, и с ними один юноша, которого туда впихнули влиятельные родители, столь же бесполезный, сколь и заносчивый; коллеги постарше относились к нему снисходительно, но ничего серьезного не доверяли; за ними стояла стайка девушек из бухгалтерии, курируемая главным бухгалтером – солидной дамой в очках и кудрявым каштановым париком на голове; пара мужчин в костюмах из отдела планирования прятались за ее телесами, а возле них стоял человек в спецодежде из отдела механизации, так тут называли место, где

в свободное время сидели водители. Обычные люди с самой обычной работы. Были ли они рады, что находятся здесь?

А он был? Да, он хорошо делает свое дело, многочисленные премии и грамоты от руководства тому свидетельство. Но любит ли он свою работу?

Он достал телефон, чтобы написать своей подруге пришедшую в голову важную мысль насчет этого, но не смог ее правильно сформулировать.

Так и вернулся, в задумчивости, в свой кабинет.

Уборщица, не та, которую он встретил несколько месяцев назад, другая, убирала пол, отмывая комья грязи, которые принес на своих сапогах со стройки один из его людей. Обслуживающий персонал регулярно жаловался руководству, что его отдел не ценит их труд, а руководство, в лице все того же технического директора, регулярно высказывало ему, почти всегда в одинаковой манере:

– Нельзя ли не посещать офис в рабочей одежде? У нас тут вообще-то дресс-код, а ваши люди его нарушают, что влияет на общую дисциплину.

Как влияют люди в грязных сапогах на дисциплину, технический директор ни разу не пояснил, но правда была на его стороне. Корпоративная книга, с яркими, глянцевыми фотографиями, где изображались улыбчивые лица работников компании и которую полагалось знать, едва ли не наизусть, что проверялось на каждой аттестации, недвусмысленно гласила, что в офис нужно одеваться как на похоро-

ны – никаких украшений, никаких ярких цветов, но нарядно и чисто.

Он, хоть и в целом, был согласен с этими постулатами, спорил исключительно из чувства профессионального братства с подчиненными и, естественно, отсутствия такового с техническим директором.

– Я предлагаю нам с вами завтра съездить на какой-нибудь наш объект, – сказал он в последний раз, – как раз идут дожди и строительная техника все разворотила. Грязи по колено. Съездим на оперативное совещание, а потом посмотрим, в каком состоянии будет ваш костюм.

И добавил, на случай дальнейших возражений:

– Надзор приезжает со строек. Специальных раздевалок там нет, душой тоже. Где им переодеваться? В машине, что ли, на парковке?

– Мы подумаем над этим вопросом, но и вы тоже подумайте, – директор несколько побаивался его авторитета но отступить не позволяло положение – сложные человеческие социальные игры. Само собой, никаких дальнейших действий или санкций за этим разговором не следовало, и никто ни о чем не думал.

– Сильно испачкали? – спросил он в тот день у уборщицы, но та даже не повернулась в его сторону, и неловкое желание извиниться повисло в воздухе.

А ей нравится работа?

Чтобы не мешать, он встал у окна, где уже было чисто,

и оглядел серое апрельское небо и парковку под ним, ограниченную аккуратными пирамидальными тополями, за которыми начиналась дорога в город. А потом, когда уборщица ушла, все-таки достал телефон и написал:

«Знаешь, мне кажется, будто я и сам немного зомби. Сложно сказать, какие у меня глаза, но такое ощущение, будто я уже давно ничего, кроме того что привык, не делал».

И свет внутри него чуть всколыхнулся. Представляешь, Жонглер? Год работы ради этого момента!

6

Десять месяцев назад ему исполнилось тридцать три года, которые он отметил, как и многое в своей жизни, с равнодушным спокойствием, наперед зная, что будет происходить в этот день:

Позвонила мама и поздравила от себя и от отца, пожелала счастья, любви и здоровья.

– Главное, конечно, любви, – сказала она от всей души, в лучших же чувствах надавив на большую мозоль.

На работе, куда он, естественно, принес торт, коньяк и чай, пришли поздравлять люди из разных отделов и конечно же сказали, что им очень повезло вместе работать. Появился директор, произнеся дежурную речь о ценности таких сотрудников.

Пить на работе запрещалось все той же глянцевой корпоративной брошюрой, но это правило соблюдалось примерно также, как и запрет ходить в рабочей обуви с налипшими на ней пластинами грязи. Сильно все равно никто не напивался – одна бутылка коньяка на десяток человек.

Потом он ехал домой, примерно на час раньше официального конца дня – подарок от компании. Пока был женат – дома ждала супруга с каким-нибудь заранее оговоренным подарком. Он вообще, надо сказать, не очень любил подарки, так как почти все что хотел и было доступно – уже имел,

а недоступное все равно не дарили. Они ужинали едой, привезенной из ресторана под негромкую музыку, потом занимались скучноватым сексом и засыпали. Вот и весь день рождения.

После развода, день рождения стал еще больше походить на обычный: не зная, чем себя развлечь, он просто возвращался домой раньше на час, включал музыку, наливал себе на три пальца коньяка (а в обычные дни – на два), насыпал льда побольше и цедил, глядя в окно на потемневший, с одной стороны, город, но сияющий, с другой стороны, многоцветными огнями: внизу фонари, реклама и автомобили; на его уровне горящие окна других квартир; сверху красные предупредительные огни, ориентир для заблудившихся вертолетов. Все вместе, если не приглядываться, сливалось в особую городскую палитру, огни жизни, ощущение, будто весь город пульсирует и дышит. Он и не приглядывался, медленно растворяясь в окружающем мире, пока коньяк растворялся в нем. А растворившись окончательно – засыпал.

Примерно то же самое происходило и в другие дни.

Но это не значит, что он не пытался себя развлечь: в тот день рождения, о котором я рассказываю, он решил обеспечить себя подарком и снять проститутку.

А что, – думал, шагая от станции метро и глядя на идущую перед ним блондинку в не по сезону коротких шортах, – я ни разу не заказывал проститутку, а последний секс у меня был шесть месяцев назад.

В тот раз ему повезло с девушкой из компании-подрядчика, работавшей в кадрах, куда он зашел поставить печать на документы. Девушка сама сделала осторожный первый шаг:

– Вы тут останетесь работать вечером? А супруга вас не потеряет? – и услышав о том, что он не женат, добавила, – странно, такой мужчина и не женат.

Он не был «таким» мужчиной – спортивного вида, с правильным лицом или очень уж толстым кошельком. Он был обычным, со значительным профессиональным авторитетом, не бедным, но и не сказать, чтобы этот достаток бросался в глаза. И он знал об этом. Но и девушка тоже была самой обычной – не страшная, но и не сказать, чтобы очень симпатичная или стильная. Стильные не работают на стройках. Просто человек, как и он сам, на котором понемногу проступают следы времени, напоминая, что все проходит, и жизнь становится все менее осмысленной, лишние свидетельства тому, что отмечать дни рождения – затея странная. Но тогда, поздним вечером, они оказались в небольшом баре, а ночью – у него дома. Девушка выпила явно больше чем планировала и большую часть времени после рассказывала о том, что ей изменяет муж, будто заранее извиняясь за то, что хочет ему отомстить.

– Ого, какая у тебя квартира, – сказала она, когда оказалась внутри, – а где здесь туалет? – пока девушка приводила

себя в порядок, он успел убрать со стола фотографию жены, которую не трогал все это время.

Потом они выпили коньяку, коего в его запасах в последние годы хватало, и девушка предсказуемо стала приставать. Но так как к тому моменту она уже была чересчур пьяной, ощущения от этих приставаний у него остались скорее неприятными. Несколько раз он пытался уложить ее спать, но девушка всякий раз просыпалась и шла в атаку. Такой секс и врагу не пожелаешь, – думал он в процессе, но отступить было несколько не мужественно, и когда она, наконец, уснула, долго еще лежал с ощущением, будто его изнасиловали.

Наутро она извинилась за свое поведение и через двадцать минут, отказавшись от предложенного кофе, исчезла. С тех пор, изредка встречаясь в коридорах, они здоровались и делали вид, что очень заняты для того, чтобы перекинуться парой слов. А потом фирма-подрядчик закончила договорные отношения с его компанией и неловкие встречи прекратились.

Проститутки лучше, – думал он, открывая двери в фойе своего дома, – если говорить о дорогих. Не буду заказывать дешевых, с оплывшей фигурой, воняющих дешевым, ядовитым куревом, одетыми в розовые стринги на пару размеров меньше, – таких он видел пару раз на улицах, и они будто воплощали все то, что он не любил в плотских отноше-

ях – вульгарность, пошлость и грязь в самом плохом смысле слова, – нет, – убеждал себя, – закажу кого-нибудь получше. Пусть это будет дорого, зато проведу время с удовольствием.

Он зашел домой, разогрел вчерашний ужин из китайско-го ресторанчика и съел его, налил коньяка в стакан на три пальца, насыпал туда льда и открыл ноутбук.

Но начал не с проституток, а с друзей – прочитал пару поздравлений от тех, с кем вместе они давным давно проводили время в поисках всяких странностей. Быстрый просмотр их страниц показал, что все по-прежнему были женаты, все медленно набирали вес, все при детях. С фотографий смотрели постаревшие, но довольные жизнью, улыбчивые лица с веселыми потомками на плечах и с такими же улыбчивыми, постаревшими женами рядом.

Он ответил всем стандартное «спасибо», испытывая некоторую неловкость, что сейчас будет заниматься тем, что никак не совпадает с порядочной семейной жизнью и что эти люди наверняка бы осудили.

Первый тематический сайт, что ему попался, был интригующего черно-красного цвета с фотографиями красоток и персональной страничкой для каждой из них, где описывались и внешние данные, и цены, и услуги, все что вы выдумали с сексом за свою недолгую историю! Прямо как в магазине техники сайт позволял фильтровать девушек по визуальным предпочтениям или их возможностям, но так как он сам не знал чего хочет, то просто просматривал фотографии

тех, кто может понравиться.

Тогда и случилось то, чего мы не ожидали. На одной из фотографий оказалась она. Лицо искусственно размыто, чтобы не провоцировать якобы случайно зашедших сюда знакомых людей на ненужные расспросы, но тело-то он знал очень хорошо! Кроме того, на ней было белье, которое он сам же ей и купил. Точнее говоря, она выбрала, провозившись некоторое время в магазине, в один из их совместных походов, а он одобрил и, на кассе, протянул карту для оплаты.

В тот вечер, Жонглер, я впервые подумал, что дорогая подруга, когда заключала со мной сделку, не поставила меня в известность о том, что тоже будет лезть в его жизнь. Конечно, ты можешь заметить, что ее вмешательство впоследствии значительно помогло, и это действительно так, но согласишься, в этом также есть и значительная доля неравенства, впервые проявившаяся в такой мелочи, и дальше, как мы помним, оно будет только расти.

– Этого не может быть, – пробормотал он, чувствуя, что теперь требуется выпить гораздо больше ежедневной дозы. Проверить, может быть это, или не может, труда не составляло: внизу, под фотографией, располагался номер телефона и адрес электронной почты. Незнакомый номер и неизвестный адрес, но пожалуйста, звони и спрашивай:

– Неужели ты со мной развелась только для того, чтобы стать проституткой?

Но он не стал этого делать. В тот вечер он вообще не стал никого вызывать, а просто закрыл крышку ноутбука и отправился на кухню за алкоголем.

Унижение – вот что он чувствовал.

Неужели я был настолько плох в постели, – думал, – что меня предпочли многим мужчинам сразу? Или это жажда какой-то извращенной славы? Или...

Много о чем он передумал в тот вечер. А я думал о дорогой подруге и досадовал, хотя и признавал, что у нее вышло довольно изящно выстроить Узор ради этого момента, и раньше она на подобное была неспособна.

Это потом, завтра, он, перерыв множество литературы в интернете, прочитает про психологический аспект людей, которые добровольно продают свое тело за деньги и чуть успокоится, а пока испытывал желание срочно сменить место обстановки и, подчиняясь ему, вышел из квартиры и уже было направился куда глаза глядят, но... люди, живущие по заранее придуманным правилам, не склонны к безрассудству и потому то, что он называл красивым словом «практичность», остановило его уже возле лифта, в двух дверях от квартиры, несколько подняв мне настроение своим быстро угасшим энтузиазмом. Но так как и возвращаться назад уже было глупо даже перед собой, без свидетелей, на остатках возникшего возмущения и обиды он, потоптавшись немного на площадке, пошел на общий балкон, доставая из кармана пачку сигарет.

Я хорошо помню тебя в тот момент: Неприятный городской ветерок трепал твои волосы, будто гладил по голове, а в руках были мячики для жонглирования, которые ты тут же, едва он вышел на эту общественную, но, в то же время, за обыкновенным нежеланием кого бы то ни было еще здесь находиться, твою территорию, принялась распихивать по карманам.

Он тоже, смутившись, кивнул тебе и, проследив за взглядом, обнаружил, что до сих пор держит в руке стакан с коньяком.

– Здравствуйте, – сказала ты.

– Добрый вечер, – поверь, в тот момент он чувствовал себя куда более неловко и сказал первое, что пришло в голову, – у меня сегодня день рождения. Вот и отмечаю.

Ты, поджав губы, задумчиво и одновременно понимающе, покивала головой.

– С днем рождения. Не упадите вниз, – открыла дверь на лестницу и шагнула в темноту.

– Постараюсь, – отозвался он твоей спине.

В детстве, примерно лет с восьми, посмотрев какой-то фантастический фильм, он захотел стать конструктором космических кораблей, думая, что жить не сможет без космоса и до шестнадцати лет пестовал мысль о том, как будет заниматься ракетостроением или астрофизикой, сажать марсоходы на пустынную поверхность Красной планеты или специальные зонды на Титан, которые непременно обнаружат подо льдами жизнь; будет отправлять научные станции к Плутону и, возможно даже, станет одним из первых людей, кто создаст настоящий пилотируемый космический корабль, способный к межзвездным перелетам. Все шансы на то были – в его городе, при политехническом университете, имелся аэрокосмический факультет, но все испортила та самая практичность: мама, восемь лет умилявшаяся стремлению сына покорить космос, к окончанию школы неожиданно вспомнила и об иной стороне вопроса:

– На ракетостроении не заработаешь, – сказала она, – а строительство всегда пригодится.

Сама мама работала в музее экскурсоводом и была гуманитарием до мозга костей, но желала сыну хороших перспектив, и пусть не особо разбираясь ни в строительстве, ни в ракетостроении, видела его достойным и сытым членом общества. А любая статистика была на ее стороне и говорила

о том, что девяносто процентов строителей живут более достойно, чем девяносто процентов ракетчиков, не в последнюю очередь потому, что первые нужны в каждом городе, а вторые – далеко не в каждом конструкторском бюро или космодроме.

Он мог настоять и на своем, но именно тогда и предал себя, после недолгих размышлений ступив на путь практичности и про космос, со временем, как-то само собой забылось.

В день нашего с тобой настоящего знакомства он ходил на совещание, где подробно изложил свое видение техники безопасности на производстве и обосновал необходимость, в связи с этим, использования новой спецодежды – подороже и получше:

– Строительный надзор должен быть виден издали, это во-первых. Во-вторых, должен олицетворять авторитет нашей компании. А в нынешних синих робах, в каких ходят обычные строители, наши специалисты теряются среди прочих.

И все с ним согласились.

Вернувшись за свой компьютер он увидел, что подруга прислала ему новое сообщение:

«Вспомни нашу юность! Вспомни! Хорошенько вспомни!»

Вспоминай. Что вспоминать?

Во времена его юности, когда интернет только набирал силу, порно в интернете было больше, чем рекламы, а заказать проститутку онлайн пока что было невозможно, хватало домашнего модема, чтобы в глазах окружающих быть гиком, а общаться в каком-нибудь чате автоматически означало считаться прогрессивным человеком крайне широких взглядов.

У него был компьютер и модем, и однажды, решившись приобщиться к межсетевому общению, он заглянул в чат-комнату, где было всего несколько ребят, называющих себя городскими мистиками. По правде говоря, Жонглер, они были такими же мистиками, как он – ракетостроителем до шестнадцати лет, однако эти люди собирали городские легенды и пытались их проверить, а ему это показалось интересным и, что важно, все они были из его города, а значит имели возможность видеться лично. Кроме того, нужно было чем-то заполнить возникшую пустоту после судьбоносного выбора профессии.

Так он нашел свое второе и последнее увлечение в жизни, если не считать жены.

Они могли часами обсуждать в чате возможный вход в катакомбы под зданием старого театра, якобы истинного центра города; рассуждали, что метро не будет построено только потому, что там, под землей, дремлет нечто такое, что будить совершенно не стоит, и власти об этом знают, но скрывают; просматривали карты города, ища в его очертаниях

признаки расположения замаскированного завода по производству химического оружия, и тому подобную надуманную чушь из желтой прессы, в которую сегодня поверят только совсем безмозглые дети, если, конечно, оторвут свой взгляд от компьютерных игр, – так он думал сейчас.

Тогда же все это казалось не менее интересным, чем космос, но более достижимым, так как крест, поставленный на ракетостроении, с каждым годом учебы становился все более жирным.

Прямо скажем, все они и тогда предполагали, что их поиски – ерунда, но общаться это не мешало: мистики жарили сосиски на костре в местном парке, пока ждали в нем Жителей Леса; устраивали походы по старым домам, переделанным из бывших конюшен, с деревянными скрипучими полами в широченных коридорах, где вдоль стен стояли сундуки и старая мебель, стараясь встретить привидений и не встретить местных жителей, еще менее безопасных, нежели привидения; лазали в заброшенную детскую психиатрическую клинику и смотрели на оставшиеся там рисунки на отсыревших обоях; или же просто собирались у кого-нибудь дома, пили дешевое пиво, играли на гитарах и рассказывали страшные истории.

Он влился в эту компанию в девятнадцать лет, когда их было всего восемь человек. В двадцать лет познакомился с девушкой, чье имя я использовал. К двадцати двум его годам членов клуба мистиков было больше тридцати, со слож-

ными взаимоотношениями внутри, группами внутри группы и прочими нюансами, свойственными большим компаниям, доказывая, тем самым, что общность – это все-таки не про людей со светом – мою точку зрения. А потом, естественным путем, их компания начала разваливаться: кто-то вышел на работу и с головой ушел в нее; кто-то женился или вышел замуж, и их съели быт и воспитание детей; кто-то сменил сферу интересов; кто-то разругался между собой и просто ушел; кто-то, как его «подруга», уехал жить в другой город и был, впоследствии, им поглощен.

Если в двадцать пять лет он еще переживал по этому поводу и регулярно, на правах одного из старожилов компании, поднимал вопрос о том, как вернуть их сообществу былую популярность, то в двадцать шесть сам стал реже приходить на встречи, а в двадцать семь женился, и на свадьбу, из оставшихся друзей, пришла лишь половина. Тогда и стало окончательно понятно, что юность закончилось и надо жить дальше. Увлечения увлечениями, но когда они начинают мешать карьере и семье, нужно делать выбор, и выбор обычно делается не в пользу увлечений, не правда ли, Жонглер?

В двадцать восемь лет, через пару дней после дня рождения, он вдруг понял, что больше не общается со старыми друзьями, а новыми не обзавелся. Зато взамен была жена, хорошая работа и достаток в доме.

Достойная замена?

8

Я был знаком с ним уже год, а он со мной – восемь месяцев, не зная, правда, о том.

В один из вечеров, когда он занимался своей обычной никчемной деятельностью вне работы – сидел и пялился в окно, сжимая в руке стакан, то увидел, как в соседнем доме, на одном уровне с ним, Марта подошла к окну, распахнула створки и, перегнувшись, посмотрела вниз. Если ты не знала, Жонглер, она была проституткой и, между прочим, одной из тех самых, кого он тогда рассматривал на сайте. В тот вечер на Марте было лишь нижнее белье – черное, кружевное, неудобное, но привлекательное для мужчин-клиентов, а внизу, против всяких правил парковки, была оставлена чья-то машина. Марта думала, что если прыгнет, то ее тело с большой долей вероятности свалится на машину, промнет крышу и кто-то потом будет вынужден обращаться в страховую компанию, если, конечно страховые компании предусматривают такие случаи. Она думала и о том, что если сейчас кто-то находится в машине, то, в момент удара, ему очень не поздоровится.

Это Марту и остановило. Лишать жизни кого бы-то ни было, кроме себя, ей не хотелось.

Когда-то Марта называла меня ангелом, хотя это, ты знаешь, неправдой. Она и в Бога верила до самой своей смерти,

хотя эта вера не мешала ей заниматься сексом за деньги или думать о самоубийстве. Не мешала она и принимать наркотики, и в тот вечер Марта была под сильным кайфом. Тем не менее, мысль, что из-за нее может пострадать человек, родилась именно из-за веры. Разложись сам, но не убей – вот как следовало бы переписать ту заповедь, в современном мире такая формулировка была бы гораздо честнее.

Теперь я думаю, что дорогая подруга специально поставила машину внизу, чтобы Марта осталась в квартире.

Марта жила сразу в двух местах. В первом – крошечной квартире, купленной на мамины деньги, она жила официально, и ее мама верила, будто Марта проводит там большую часть свободного времени. Мама верила также и в то, что ее дочь слишком много работает в офисе каким-то там скучным менеджером по персоналу. Другая – та, где мы находились в тот вечер, в действительности являлась постоянным ее обиталищем. Здесь она встречала клиентов, сюда было удобно добираться, а также те, кто снимал жилье вместе с ней в одном доме, подчиняясь общей атмосфере даунтауна, не интересовались жизнью соседей, в отличие от соседей той маленькой квартирки, и это было ей на руку.

В тот вечер он смотрел на Марту и вяло подумал, что она, наверное, кого-то ждет. Но мысли и взгляд скользили от объекта к объекту, и уже через пару минут, Марта смешалась с другими элементами его пейзажа – стеклами окон, освеща-

емыми изнутри, мигающими огнями на крышах, отблесками от фар на стеклах внизу, а через полчаса и вовсе вылетела из памяти.

Марта же чуть позже взяла зажигалку и шприц и отправилась на кухню, а еще через пять минут выпила полстакана водки. К тому моменту когда он будет спать, сердце Марты остановится, и я никак не смогу на это повлиять.

– Ну хорошо, – примирительно говорил я, стараясь быть максимально убедительным в условиях, когда мне уже не верят, – допустим, ты выбросишься. Скорее всего умрешь еще в полете, но всегда имеется шанс остаться валяться на асфальте с расколотыми костями и многочисленными внутренними кровотечениями. В этом случае тебя, конечно, доставят в отделение реанимации, где ты проведешь несколько дней, полных ужасной боли и лишь после скончаешься. К тому времени, несколько раз успеешь передумать умирать, но будет уже поздно. Зачем тебе это?

Марта повернулась и, усевшись на подоконник, посмотрела туда, где ей хотелось видеть меня. Городские звуки из открытого окна обволакивали ее, словно городского духа, пришедшего сюда пообщаться со мной – коллективного бессознательного, воплощенного в Узоре паразита, квинтэссенцию современного человеческого.

– Что же тогда делать? – спросила она, – Я не понимаю, зачем весь твой свет, если от него одни страдания?

Мысль была не новой, и разговор этот не был первым:

Марта и раньше спорила со мной о свете, и мои доводы казались все менее убедительными, разбиваясь о ее жизнь и ощущения от нее.

– Не мой, а твой. Другие и это растеряли, – заметил я.

– Зато они живут полноценной жизнью.

– Бактерии и клетки одного организма тоже живут полноценной жизнью. И каждая бездумно выполняет свою задачу.

– А я? Обслуживаю их?

Я промолчал.

Год назад Марта весила на восемь килограмм больше, но к наркомании и нездоровому образу жизни теперь добавился еще и невроз, и все это сказывалось на ней не лучшим образом. Марта стала употреблять больше наркотиков затем, чтобы избавиться себя от него, но это дало лишь негативный эффект.

– Это не может больше продолжаться, – сказала она.

– Я придумаю что-нибудь, – только и сказал я, но Марта уже шла на кухню и начала греметь ложками в буфете, а я, неспособный физически заставить ее поступить иначе, остался всматриваться в окна дома напротив. Городской ветерок, наполненный выхлопами, трепал нежно-кремовые занавески, которые Марта закрывала, когда кувыркалась тут с очередным мужиком, чтобы из того, соседнего дома, никто за этим не наблюдал.

Тогда он и увидел меня в первый раз, но не понял, кто я такой, как не понял бы любой другой человек. Для него я

был всего лишь отражением на стекле одной из квартир и то почти неуловимой, чтобы выделить из общей картины.

– Дорогая подруга, – сказал я в тот вечер, – я знаю, что ты наблюдаешь за мной. Не дай ей умереть, и я обещаю, что сделаю гораздо больше того, о чем мы договаривались.

Но меня не захотели услышать, и Марта умерла, а остатков ее света мне хватило на новое тело.

В день нашей с тобой встречи, за час до окончания рабочего дня, я позвонил ему на телефон, стоявший на столе – реликт, который в эпоху мобильных не использовался уже долгое время.

До этого момента его рефлексия была несколько будничной, что-то вроде одного философского вопроса без ответа, который неспешно, месяц за месяцем, обдумывался в голове, понемногу принимая все более грандиозные формы: о жизни, работе, себе, супруге; мысль ради самой мысли, отвлекающая от бесконечно одинаковой жизни, но и не мешая ей.

Однажды, на эмоциональной волне после переписки с подругой он даже пошутил во время обеда в столовой в компании с коллегами, что если ему отрубят голову, то еще две недели будет, по инерции, ходить на работу.

Тогда эта шутка всем, и даже ему, показалась смешной, что бывало нечасто.

Просто, в тот день, до звонка, эта мысль давила сильнее обычного.

Но с момента моего звонка, все изменилось.

За двадцать минут до того, ему опять пришло сообщение: «Попробуй сделать что-нибудь нетипичное. Потанцевать

на улице или поестъ еды, которой обычно не ешь. Разбросай бумаги по кабинету! Отыщи след – клочок магии, которая все еще прячется по углам в этом мире. Попробуй! Если не получится, то все, ты потерян. Но я уверена, что справишься!»

Это был последний шанс, который я ему дал.

Он дважды внимательно прочитал этот текст. Хмыкнул. Самое простое из всего вышеперечисленного – это разбросать бумаги по кабинету, благо их было столько, что можно покрыть весь пол в несколько слоев. Письма, служебные записки, отчеты, копии проектов, ксерокопии удостоверений... но он этого делать не стал. Подчиниться сиюминутному порыву и все раскидать – дело нехитрое. Трудно будет собрать все назад и еще труднее объяснить, если вдруг кто-то застанет его за уборкой, зачем это было сделано.

Вместо этого он сходил до импровизированной кухни, устроенной за шкафом и включил притаившийся там грязный белый чайник. Достал стакан, пакетик с тем, что называл чаем и сахар. Проверил, сжав в руке два последних пряника из прозрачной упаковки, найденной где-то в углу шкафа, но те оказались настолько твердыми, что есть их было опасно для зубов и потому отправились в мусорку. Можно было сходить вниз, до автомата, где продавались шоколадки, но он не настолько хотел что-либо жевать.

Я нажал на кнопку звонка в телефоне Марты в тот момент, когда он наливал кипяток в стакан.

– Введите внутренний номер сотрудника или дождитесь ответа секретаря, – сказал, после стандартного приветствия – звуковой визитки компании, надменный не по статусу, как мне показалось, голос девушки-робота.

– Да, – услышал после двух гудков недовольный голос, когда он оторвался от чайника и добрался до своего архаичного телефона на столе.

– Привет! – как можно более бодрым голосом сказал я, – я – любовник твоей бывшей жены и нам надо поговорить.

Сквозь телефон я не мог слышать, как крутятся мысли в его голове, но нетрудно было представить их ход: вот он думает, что такого не может быть. Потом соображает, с чего бы мне ему звонить. Потом приходит в голову вопрос, не случилось ли что-нибудь с ней. Потом вспоминает, что видел жену на том сайте и, стало быть, я вру. После думает, что она и с любовником может вести двойную жизнь. А потом круг замыкается: раз ему позвонил любовник бывшей жены, значит что-то случилось. Люди подобного статуса, как ты понимаешь, обычно не звонят бывшим мужьям. А она пропала из интернета...

Я терпеливо прождал не меньше десятка секунд, прежде чем услышал ожидаемое:

– Ну говори, – гораздо менее уверенным тоном, чем сухое «да» в самом начале разговора.

– Не сейчас. Я приду к тебе вечером домой, тогда и поговорим. Часам к восьми. Идет? Где живешь – знаю.

Еще одна пауза, за которой угадывалось состояние человека, оказавшегося в неожиданном положении, и последующий предсказуемый ответ-разрешение, иллюзия того, будто он что-то решает в этой ситуации:

– Хорошо, приходи.

– Вот и отлично, – я отключил телефон.

Он остался сидеть за столом, на мониторе – недоделанная форма отчета, чайник остался на своем месте, рядом, в чашке заваривался пакетик в кипятке. В голове – целый рой мыслей, который тянул его в разные стороны.

«Попробуй сделать что-нибудь нетипичное», – писала подруга в моем лице. Ну что же, нетипичное случилось, и он пока не знает, что до конца дня произойдет еще немало нетипичного, как не знает и о том, что ему делать дальше: правила дневного распорядка нарушены, программа действий сломана, а он оказался к этому не готов.

Так и сидел сломанным роботом до шести часов, пока не закончился рабочий день. А потом встал, надел плащ и пошел из офиса.

За все то время с момента, когда был открыт тот злосчастный сайт и до дня нашего знакомства, он сделал только одну жалкую попытку что-либо узнать о своей бывшей супруге и остается только порадоваться тому, что он не пошел дальше и не стал звонить ее подругам, иначе бы наша с ним история завершилась гораздо раньше.

С ее подругами он не особо сошелся, те оказались чересчур молчаливы и, что называется, «на своей волне». Во всяком случае, рядом с ним. Как и жена, они создавали впечатление умных, симпатичных, эрудированных, творческих личностей, но о чем с ними можно было поговорить – он не знал. Любая попытка завязать беседу наталкивалась либо на молчание, либо на некий поверхностный ответ, за которым не находилось ничего.

– Я знаю это, – или, – я об этом читала, – будто он только что попытался доказать, что они глупее, и поскольку тема беседы дальше с их стороны не развивалась, разговор сам собой разваливался, потому как он не знал, о чем можно говорить с людьми, которые не хотят общаться.

Но когда они переехали жить в этот город, супруга очень легко распрощалась с ними и больше, насколько он помнил, не пыталась связаться. Он мог бы решить, что это странно, но не решил, потому что этому обрадовался.

Так или иначе, а он позвонил не подругам, а ее родителям. Это случилось в конце августа.

Тот месяц выдался богатым на события. Во-первых, ему подняли зарплату. Во-вторых, были сданы в эксплуатацию четыре новых объекта – два торговых центра, жилой дом и склад, полностью готовые к наполнению людьми – живущими, покупающими и обслуживающими. В-третьих, по этому поводу он даже дал интервью местному телеканалу, которое, правда, почему-то, не включили в эфир.

А в-четвертых, он переспал с женщиной, а для него это – событие. Она являлась исполняющей обязанности директора в акционерном обществе заказчика одного из торговых центров – сорокалетней женщиной, одевавшейся так, словно она была адептом культа Делового Стиля и с характером, соответствующим стилю. Это произошло после одного затянувшегося до вечера совещания. Он остался собирать бумаги, которые привез подписывать, а она предложила чаю и подвезти до дома. По дороге разговорились, потом вспомнили, что есть кое-что недоподписанное, он спросил, не хочет ли она подняться к нему и закончить с делами и, через некоторое время, естественным образом, они оказались в одной постели. Как по учебнику.

– А вы разве не женаты? – спросила позже директриса. После секса, без своей строгой офисной оболочки, она казалась совсем другим человеком, превратившись в обычную

уоставшую женщину, которая завтра наверняка станет жалеть о своем поступке, так как он совсем не вписывается в ее жизнь. Она уже начала, он видел это, и осталось лишь подождать, пока окончательно пройдет эйфория от секса и все вернется на круги своя.

Завтра, – подумал он – она наверняка напишет мне сообщение, что все было здорово, но больше им так поступать не нужно.

– Я разведен, – ответил, – уже скоро два года.

Она понимающе кивнула, перевернулась на спину, и стала смотреть в потолок. Именно так они с женой в последние месяцы жизни и делали: лежали на спинах, и глядели в потолок.

– А чем она сейчас занимается?

Он смотрел на директрису: до шеи укрытая одеялом, косметика чуть размазана, в ухе блестит сережка с дорогим камнем.

– Она... не знаю, мы больше не общаемся.

– Вам даже не интересно?

Он не ответил, продолжая ее разглядывать: тонкие морщинки у глаз, тонкая кожа – признаки старости. Попытался было ее обнять, но директриса мягко отстранилась.

– Мне, пожалуй, пора собираться, – сказала она. Подняв свои вещи и прижав их к себе так, чтобы максимально укрыться, она ушла ванную, а через пятнадцать минут, когда он провожал до машины, сказала у самой двери:

– Вы же понимаете, то, что сегодня произошло, не должно получить дальнейшего развития ни в какой форме?

Я понял это уже по обращению на «вы», – хотел было ответить он, но, так как это было невежливо, то просто сказал:

– Не беспокойтесь на этот счет, – про себя печально усмехнувшись о том, что сообщения завтра можно не ждать.

Возвращаться в квартиру где осталась разложенная кровать и пахло сексом не хотелось. Он вышел на общий балкон, где, в свое время, встретил тебя, достал сигарету и зажигалку, предусмотрительно взяв их с собой, закурил, чтобы приглушить запах женщины никотином и долго смотрел вниз, на бетонный колодец домов, ограничивающий надземную парковку для тех, кому не хватило денег купить место в подземном паркинге. Достал телефон, покрутил немного в руках и, поймав момент решительности, позвонил маме своей бывшей супруги.

– Здравствуйте, – сказал он, когда женский голос сказал «Алло», – а вы не подскажете...

И вдруг понял, что не знает, как сформулировать свой вопрос.

Где моя бывшая жена? Как у нее дела? Не знаете, почему она стала проституткой?

– Алло?

– Я...

– Кто звонит? Что вы хотите?

Значит и телефон уже удалили.

– Ничего. Извините. До свидания.

Он вернул телефон в карман и вновь оперся о балкон. Огонек сигареты, зажатой между пальцев, едва заметно дрожал, и когда он это заметил, то бросил его в импровизированную пепельницу, сделанную из банки, оставленную здесь какой-то доброй душой, и пошел домой, в душ, менять постельное белье и писать мне.

В день нашей встречи на улице похолодало, а хмурые седые облака, что собрались к обеду и грозили осадками, к вечеру, когда он шел до метро с работы, разродились снегопадом. Утром все будут говорить о внезапном циклоне и что такого даже зимой не было, но ему будет уже все равно. А тогда он оказался одним из первых свидетелей тому, как первые, легкие, почти невидимые снежинки быстро превращаются в крупные, а потом и в сплошной снежный вал, затягивающий мир в белое, огромными снежными хлопьями скрывая за собой окружающий мир, поначалу, превращаясь в обычную грязную жижу под ногами, но постепенно, будто побеждая весну, нарастая поверх грязи небольшими сугробами, которые еще через несколько часов станут большими.

Враз куда-то подевались все люди, что шли вместе с ним по одной дорожке – группками или поодиночке из всех административных зданий в округе, визуальное знакомые за три года совместных походов до метро в одно время. Они будто растворились в снегу, оставив его один на один с белой пеленой, тяжелыми мыслями и нехорошим предчувствием, словно он заблудился, оказавшись в городе-призраке, где людей нет уже очень давно.

К станции метро он добрался замерзшим и мокрым, с сырыми ногами, дрожа и хлюпая носом. У турникета выясни-

лось, что его карта для оплаты проезда пустая, а автомат для пополнения счета, не работает.

– Один жетончик, пожалуйста, – сказал он в окошко. Женщина, сидевшая по ту сторону стекла, не глядя, механическим движением, взяла деньги и выкатила в ответ медную монетку.

– Спасибо, – но она так не посмотрела в его сторону.

Под неподвижным взглядом охранника, сидевшего у массивных, противовандальных турникетов, он бросил жетон в щель и оказался на эскалаторе.

На платформе было всего несколько человек. Все только что из под снега, как и он – мокрые и замерзшие, и все делают вид, будто ничего не происходит. Девушки стоят, не обращая внимания на то, что у них слегка потекла тушь, мужчины на то, что у них на носгах висят капли воды. Не принято показывать на людях свое плохое состояние, нужно изображать полное безучастие внезапной погоде.

Вместе со всеми он сел в подошедшую электричку и упал на сидение.

– Осторожно, двери закрываются, – прогудел мужской голос.

Он продолжил разглядывать людей. Девушка с длинными темными волосами, слипшимися от влаги, стояла прямо, как струна, держась за поручень, и смотрела перед собой. Пара полных, похожих друг на друга мужчин, сидевших друг напротив друга, с совершенно пустыми взглядами держали

свои одинаковые портфели на коленях. Казалось, они отключены до нужных им станций. Женщина лет сорока, со смешными кудряшками на голове и в белом пальто, равномерно и механически стучала затянутыми в черную перчатку пальцами, по колену.

Поезд с воем несся по темному тоннелю.

Чем дальше он разглядывал пассажиров, тем страшнее становилось: а если они и правда сейчас догадаются, что он сидит и думает о зомби – людях, которые живут по заданным программам, у которых нет места спонтанности, но взамен имеется строго определенный набор действий: выйти из метро, дойти до магазина, купить той же самой еды, что и всегда, дойти до дома, переодеться, поесть, включить телевизор и изобразить какой-то интерес к происходящему в нем до того момента, когда будет нужно ложиться спать?

Что делать, если сейчас вдруг они все, как роботы, одновременно, повернут свои головы в его сторону и уставятся своими бездумными взглядами в его глаза? Есть ли программа на подобный случай? Появился лишний элемент, который ломает строгую концепцию городской жизни – действовать согласно алгоритма 1NB45...

И если цель этой программы – ликвидация, сбежать он явно не успеет.

– Паранойя... – пробормотал, и девушка с мокрыми волосами чуть повернула в его сторону лицо, окинув безразличным взглядом. Он опустил глаза, а когда, досчитав про

себя до десяти, снова поднял, то обнаружил, что она, вновь потеряв интерес, смотрит в окно, на змеящиеся вдоль стен пучки кабелей.

Я тоже стоял в том вагоне и смотрел на него, только этого он не видел.

Достав телефон, он написал своей подруге:

«Сегодня вечером предстоит очень тяжелый разговор с человеком, которого я совершенно не хочу видеть, но видимо что-то важное заставило его найти меня. Сойдет за необычное?»

Подумав немного, он добавил:

«Мне нужна какая-нибудь поддержка. Последний год оказался очень тяжелым, даже хуже того времени, когда я разводился».

Отправил и вдруг подумал, что совершенно не помнит, как она, его подруга, выглядит сейчас. Зайдя на ее страницу и пролистав все имеющиеся там фотографии, он нашел несколько десятков черно-белых снимков пейзажей с претензией на высокое искусство. Попытался вспомнить, чем подруга запомнилась в юности, но кроме размытых образов из общей тусовки мистиков, не припоминалось ничего. Она не была душой компании, редко делилась историями и редко шутила, не обладала незаурядной внешностью, вечно была погружена в свои мысли и, прообщавшись месяцев восемь в их компании, однажды просто перестала туда ходить. Ну а когда появились первые социальные сети и все стали до-

бавлять друг друга в друзья, стало понятно, что она просто сменила город, уехав в столицу и никому ничего не сказав.

Двери вагона метро раскрылись и закрылись несколько раз, впуская новых людей. Он осматривал их и у каждого замечал такое же безжизненное выражение лица, как и у прочих. Они просто стояли и смотрели перед собой или в телефоны.

Были ли в его компании в молодости такие рассказы о зомби? Он не мог вспомнить, но зато припомнил историю о странном запахе в метро возле некоторых станций, который указывал, как утверждалось, на то, что оно было проложено через кладбище. В его городе не было метро и проверить подобное в то время было невозможно; теперь же, когда двери раскрылись перед его станцией, он почувствовал тот самый затхлый запах – не мертвечины, но чего-то явно менее живого, чем он. Такого, чем люди обычно не пахнут. Смесь из духов и воды, жира и чего-то еще.

Он вновь проверил телефон, но я ничего ему не написал.

Ты веришь в эту теорию о зомби? Как думаешь, Жонглер, это правда, что все люди по какой-то заданной свыше схеме повторяют одни и те же заученные слова, покупают одно и то же, или же дело в том, что все, в общем-то, и так одинаковые? Производители, например, против непредсказуемых продаж и стараются мотивировать покупателей на покупку их обычной продукции, потому как им так дешевле, и в этом все дело? Или, скажем, люди, у которых день рождения, ведь и в самом деле ожидают, что им будут говорить одинаковые пожелания о любви, счастье, здоровье и прочих «успехах», даже несмотря на то, что от этих слов ровным счетом ничего не зависит – ни счастье, ни здоровье, ни успех, – и это знает каждый. Но ведь будет обидно, если эти слова не прозвучат, правда?

Безопасная, обыкновенная, предсказуемая жизнь, в самом обыденном скучном смысле – явление любопытное, придуманное специально, но с радостью поддержанное той частью человечества, что не способна на иное, кроме бесконечных работы-дома-семьи-работы и так далее, до самой смерти. Некоторые, правда, и при такой невыразительной жизни ухитряются жаловаться на неблагоустроенность: платят мало, рабочий график неудобный, жена пилит и прочие мелкие проблемки, делающие их вялую жизнь чуть ме-

нее комфортной. Однако, Жонглер, эти проблемки не частные и характерны для каждого, живущего подобной жизнью. Неспособный выйти за эти правила человек не может ничего изменить, а если и может, то весьма поверхностно – одну работу на другую, одну жену на вторую или третью, понемногу, в этом жизненном потоке, находя себе наиболее комфортные условия и приспособляясь к тому, чтобы жизнь и дальше текла в том же ключе, но при более успешных компонентах.

Многие талантливые люди погубили в себе свет ради такой тихой спокойной жизни. Тот, кого я сейчас описываю – твой сосед, действительно мог стать настоящим конструктором ракет и, уверен, был шанс, что человечество вышло бы за пределы орбиты своей планеты еще в его поколении. Не обязательно большой шанс, но он был. Но конструктором он не стал, и его свет почти погас.

В каждом человеке заложено гораздо больше, чем простое следование правилам жизни, однако чтобы это понять, нужно выйти из зоны комфорта и справиться с возникшими преградами.

Я знаю об этом, потому что наблюдал всю вашу историю с первых обезьян-мутантов, которых антропологи называют первыми людьми.

В Марте было столько света, что она могла стать новым пророком, не хуже прошлых. Но общество сломало ее, как ломает всех, кто не вписывается в принятые рамки. Развитие человека замедляется, оно уже заняло свое место в общем

Узоре, и всякие смутьяны, готовые его перекроить, больше не нужны. Поэтому, вместо пророка, Марта стала проституткой, а потом покончила с собой, хотя я пытался ей помочь.

Пластмассовый мир победил, как пел другой маргинал из твоего плейлиста, и с каждым разом найти добровольцев для борьбы с ним все сложнее.

Я в зомби не верю, потому что знаю точно – зомби не бывает. Есть люди, которые хотят жить как зомби, и есть то, что можно считать ложью о зомби, хотя статус этого утверждения, опять же утверждаю, зависит от точки зрения.

Последние семь месяцев, уже после смерти Марты, я следил за ним в полную силу, изучал привычки и манеру речи, походку и распорядок дня. Слушал, с кем он говорит и о чем, потому и могу теперь так подробно рассказывать о его жизни.

Она, как тебе уже наверняка понятно, не потрясла разнообразием. Из человека, которого некогда интересовало неизведанное и нераскрытое, он превратился в самого обычного человека. Даже хуже, он превратился почти в эталонного зомби, и это было до того мерзко, что если бы не сделка с дорогой подружкой, я ни за что бы к нему не приблизился.

Человек выглядит человеком благодаря мелочам – кто-то часто моргает, а кто-то хрустит пальцами. Кто-то одергивает полы пиджака, хотя тот сидит нормально, а кто-то присвистывает, когда задумывается. Это можно назвать невралги-

ей, но если в человеке нет ничего нервного, то он становится пугающе однообразным: улыбка, вызванная потоком внутренних мыслей, почесывание затылка, щелкание пальцами во время разговора, закусывание губы, крошечные признаки жизни, свидетельства того, что ты – настоящий человек, а не какой-нибудь робот или зомби.

Когда он говорил, то часто прищуривался, будто пытался где-то разглядеть памятку с нужным текстом, а спускаясь по эскалатору в метро часто стоял спиной вперед, хотя это было запрещено. Любил что-нибудь держать в руках, ручку например, или кошелек. Когда руки были свободными, он не знал куда их деть и постоянно то пихал в карманы, то вытаскивал, то сцеплял пальцы, то скрещивал руки на груди, будто не понимая, как они вообще могут быть свободными.

Любил разговаривать сам с собой. Точнее, не столько разговаривать, сколько коротко резюмировать какую-нибудь из своих мыслей.

– Похоже все, – говорил, закрывая рабочий файл, который больше не понадобится в ближайшее время.

– Пора ложиться спать, – говорил по вечерам, когда часовая стрелка циферблате на стене подползала к одиннадцати, минутная к шестерке, а коньяк в стакане заканчивался.

Я смотрел на него, когда он спал или сидел на стуле на кухне, делая себе бутерброды на завтрак. Шел вместе с ним до метро, задерживаясь, чтобы избежать неловкой ситуации с тобой. Наблюдал за его работой. И чем больше сравнивал

с другими людьми которых знал – яркими, инициативными, полными идей, теми, с кем я привык быть рядом и восхищался, и кто, на протяжении всей человеческой истории, развивал мир, тем больше убеждался, что мне его совсем не жаль. Тридцать три года, ни друзей, ни жены, ни интересов, ни амбиций – пустое место, о котором только коллеги и говорят, будто оно очень хорошее. Кроме работы у него не было ничего, чем можно держаться за эту жизнь, и по сути, Жонглер, при всей своей внешней благообразности, образе уважаемого человека, он – полный неудачник, растерявший свои возможности, из человеческого оставив себе только прищуривание, разговоры сами с собой и тому подобное. Почему же он тогда жил?

Позволь, я же и отвечу: по естественной привычке. В людей, как и в других живых существ, например амеб, вложена естественная необходимость поддерживать в себе жизнь, иначе бы эта изначальная затея с ДНК не привела ни к чему. Однако желание жить не делает человека человеком, так как в этой необходимости он не отличается даже от амебы.

Вот так, Жонглер.

После работы, если не было других дел, а другие дела случались все реже, он сразу шел домой. Но так было не всегда: переехав сюда, он, вместе с супругой, одно время гулял по улицам, разглядывая местные достопримечательности. «Пропитываясь духом нового места», – как говорила жена, предпочитавшая заброшенные здания или запущенные скверы памятникам и музеям. Она говорила, что любит фотографировать что-то старое, хотя, как мы помним, фотографировала не так уж и много и не столь уж хорошо.

Потом, когда их отношения начали сходить на нет, супруга все чаще гуляла одна, а он сидел дома. Возвращался с работы, готовил ужин или ел готовый, смотрел в окно или новости по телевизору. Делал домашние дела, поддерживая порядок. Человек без любопытства, человек-прагматичность.

Основной современный принцип экономии энергии – не делать ничего, кроме обязательного: работы, еды, сна и личной гигиены.

Если бы в тот день я не написал ему, а потом не позвонил, он поступил бы точно также, как и всегда – вернулся бы к себе, поел, и пил бы после коньяк до самого сна. Но я позвонил, и свет в нем, жалкий, пародия на настоящий, чуть разгорелся. А егохватило, чтобы по дороге домой он все-таки свернул со своего привычного маршрута.

К тому времени снег валил настолько сильно, что практически парализовал уличное движение. Выйдя из метро, он словно окунулся в другое измерение, в котором с тротуара угадывались темные чудовища машин, хоть и грозно сверкавшие глазами-фарами, но обреченно стоящие в пробках, как в одной длиннющей упряжке, спешащие домой люди под снегом казались смутными, размытыми фигурами-теньями, гораздо сутулее обычных людей.

– Ну и апрель, – сказал он сам себе, шагая по улице и втянув голову в воротник плаща, – природа просто сошла с ума.

И тут ему припомнилось, как в юности, среди прочих чудес, которые предположительно происходили среди них, была и такая теория: если погода кардинально отличается от типичной для этого времени года, то это может являться признаком пространственной аномалии.

– Грубо говоря, – бормотал он, понемногу вспоминая, – погодные явления во многом зависят от давления. В областях пониженного давления образуются циклоны, в областях повышенного – антициклоны. Это естественный процесс. Но бывает и так, что погода резко меняется, потому что давление резко меняется из-за соприкосновения миров, вызывая природное возмущение. Именно в это время проще всего увидеть что-нибудь необычное.

Эту чушь рассказывал приятель из компании мистиков. В качестве эксперимента, в свое время, он даже предлагал проверить одну городскую легенду:

Легенда была японской и, согласно ей, в непогоду нужно было войти в лифт многоэтажного дома, по очереди проехав в нем на этажи номер четыре, два, шесть, два и десять, при этом так, чтобы за это время никто не зашел в кабину, иначе вся магия сорвется. Проехав этажи в нужном порядке, требовалось спуститься до пятого этажа. Там в лифт должна будет зайти женщина, с которой нельзя разговаривать, так как она – уже не человек и может догадаться о том, что ты об этом знаешь. Это будет верным признаком того, что находишься на верном пути. После нужно нажать на кнопку первого этажа, но лифт поедет не вниз, а вверх. Там, где он остановится и откроет свои двери, и будет другой мир. Приятель утверждал, что единственным человеком в том месте будет только доехавший. Или доехавшие. И еще, о том как вернуться назад – никто не знает.

Последнее явно ломало всю идею легенды.

– Если никто не знает как вернуться, то откуда известно, что способ работает? – спрашивали его, а приятель, в ответ, злился оттого, что красивая история не выдерживает пытливого скептицизма.

– Откуда мне знать? – говорил он, – это же японская легенда, я ее не выдумывал. Наверняка какой-нибудь способ есть, только о нем не рассказывается.

Приятель и еще пара человек, а один раз даже тот, к кому вскоре я пойду в гости, пытались провернуть этот ритуал в разных домах в непогоду, но всякий раз безуспешно. Чаще

всего все портилось на женщине с пятого этажа. Впрочем, приятель говорил, что женщина однажды-таки заходила.

– Я думал, что умру от страха, – говорил он. Но так как проверял он в тот раз в одиночестве, то никто не мог подтвердить или опровергнуть его слов. К тому же, кнопка первого этажа все-таки остановила его от проникновения в другой мир таким изощренным способом.

– Что-нибудь нетипичное... – пробормотал он, подходя к дверям здания, где жил и вдруг остановился.

Дом за его спиной, тот самый, который он разглядывал вечер за вечером, за хлопьями снега высился монолитной громадой, тускло светил лампами из окон и казался совершенно ирреальным, будто выросшим из другого мира.

Он оценивающе посмотрел на него снизу вверх. Сорок один этаж, включая технические.

– Ну... почему бы и нет? – пробормотал и пошел через дорогу.

В холле было пустынно: три лифта, мягкая зона за пальмами в некрасивых пластиковых кадках и бородатый портье, посмотревший на него пустым взглядом; отделанное зеленым камнем, якобы малахитом, помещение и старомодные, под шестидесятые, лампы не вязались с хромированными блестящими дверцами лифтов. Сейчас через большие витринные окна не проникал свет, отчего казалось, будто мир за спиной начал пропадать, оставляя последним живым лю-

дям – ему и портье лишь холл и неизвестно как спасенные из общего апокалипсиса тропические растения.

Он обернулся и, как в последний раз, посмотрел назад – сплошная белая пелена снаружи.

С мягким звуком открылись дверцы лифта. Он встал под желтую электрическую лампу, нажал на круглую черную кнопку с красной цифрой «четыре» в центре и, спустя секунду, оказался заперт в блестящем коконе.

Из опыта строительства он знал, что дома строятся вокруг лифтовых шахт и лестничных клеток, являвшихся, по сути, позвоночником здания. Если проект по каким-то причинам не устраивал заказчика после начала работ, то было возможно изменить расположение комнат и коридоров, сместить окна, если, конечно, еще не были возведены стены, можно было даже предусмотреть новые санузлы. Смещение же лифтовых шахт и лестниц требовало пересчета нагрузок на все здание и почти всегда приводилось к его полной перестройке, потому и менялось лишь при самых крайних обстоятельствах.

И вот, по позвоночнику здания, он ехал на четвертый этаж. А как еще попасть в другой мир, если не по позвоночнику?

Двери открылись в коридор, освещенный тусклым искусственным светом. Он посмотрел на окрашенную жидкими обоями стену и табличку «Четыре» на ней, как раз на уровне глаз, и нажал на цифру «два» на стальной панели.

На втором этаже тоже оказалось безлюдно и, согласно пла-

на, лифт двинулся дальше, теперь на шестой этаж.

– Нетипичное, – повторил он, – интересно, что может быть нетипичнее, чем попасть в другой мир?

И шестой этаж оказался пуст.

Это было бы даже забавно, – подумал он, оказавшись на десятом этаже и, когда никто не вошел и там, нажал на кнопку пятого этажа.

Предчувствие нехорошего, как в фильмах ужасов – и страшно, и хочется знать что будет дальше, кольнуло его только в тот момент, когда лифт начал мягко тормозить перед пятым этажом. Но он все-таки был скучным прагматиком, поэтому не прислушался к нему и оторопел, когда увидел, через открывшиеся двери лифта, женщину.

Да что там, я сам удивился.

Полгода назад ты встретила его бывшую супругу, а я наблюдал за этим.

Изучая его, я обнаружил, как часто он в своих мыслях обращается к бывшей жене. В мелочах: то задержит взгляд на ее фотографии, то положит руку на то место, где раньше она спала. Сам он, между прочим, по привычке продолжал спать на своей половине кровати. Это мелочи, которые говорили о многом. Несмотря на общую черствость к жизни в целом и несколько высокомерного отношения к ее роду деятельности, он любил свою жену вопреки холоду между ними в последний год супружества, и своим уходом она нанесла ему рану, и эта рана продолжала беспокоить. Этим нельзя было не воспользоваться, и я, конечно, воспользовался. Но позже.

А полгода назад его бывшая супруга вошла в фойе дома, где вы жили и, как ни в чем не бывало, поздоровалась с портье. Тому, надо сказать, как и бородачу из соседнего дома, было все равно: жена занесена в список жильцов и, стало быть, имела полное право здесь находиться. Он проводил ее взглядом, отметив про себя разве, что та довольно сильно изменилась.

Ты и сама помнишь, это действительно было так:

Она подстриглась, перекрасила волосы и загорела, будто

приехала с морского курорта. Полностью изменилась и ее одежда: если раньше бывшая супруга позиционировала себя фотографом и выглядела так, как должно выглядеть Настоящему Фотографу – чуть растрепано, творчески, в удобной одежде, при этом создавая совокупное ощущение красоты, стиля и комфорта, какой обычно подмечают фотографы, – то ныне она больше походила на Женщину с Большой Буквы: юбка, колготки, полупрозрачная белая блузка под тонким пальто, в котором в ту погоду можно было дойти только до такси, аккуратные сережки. Из уютной превратилась в таинственную и недосыгаемую.

На лице – подобающее образу безмятежное спокойствие.

– Здравствуйте.

Скосив глаза, его бывшая супруга увидела тебя, и ее губы тут же трансформировались в вежливую улыбку.

– Добрый день, – сказала она слишком, до лицемерного, приветливым тоном.

Вы одновременно вошли в лифт и каждая нажала на свою кнопку. Ты – на кнопку семнадцатого этажа, наша героиня – на шестнадцатый. Я, невидимый, находился между вами, очень близко к тебе. В тот момент я уже видел твой свет, но отложил его изучение до нужного момента, чтобы дорогая подруга не заметила моего интереса.

– Давно вас не было видно, – сказала ты.

– Это точно, давно, – согласилась его бывшая супруга.

– Уезжали?

Она не стала отвечать, сделав вид, будто сильно задумалась, а когда двери лифта открылись на шестнадцатом этаже, произнесла:

– Вроде того, – и быстро вышла, а я направился за ней.

Оставшись, как ей казалось, в одиночестве, эта женщина полезла в сумочку за ключами, которые, в свое время, так ему и не вернула.

В коридоре было тихо. Стояла середина рабочего дня, все так называемые нормальные люди были на работе, выполняя свои обязательные социальные функции и она, неплохо разбираясь в распорядке дня бывшего мужа, была уверена, что и он тоже. Она была спокойна, как бывают спокойны убийцы в фильмах, когда приходят за своей жертвой, и теперь я уверен, что если бы бывший муж в тот раз все-таки попался ей на глаза, она, безо всяких колебаний, убила бы его первым попавшимся тяжелым предметом. И он не успел бы себя защитить.

Привычным движением женщина вставила и повернула ключ. Я следовал за ней. Некоторое время мы разглядывали идеальный порядок, который он поддерживал и какого отродясь не водилось во время их совместной жизни – она не особо беспокоилась о быте, ссылаясь на творческое мышление. Пошла вдоль стен, изучая то новое, что появилось за время ее отсутствия, как хищник, улавливающий новые запахи. Нового в сущности нашлось немного: туфли на полу, новая кофемашина на кухне, которой он так и не начал пользовать-

ся, новое полотенце в ванной. Мелочи – он не особо стремился обновлять свою жизнь.

Будь я на ее месте, то непременно разочаровался – он остался таким же, каким и был, разве что оптимизировал жизнь еще сильнее. Однако ей это было совершенно безразлично, она просто собирала и оценивала информацию.

Пройдя по периметру квартиры и добравшись, наконец, до цели, бывшая супруга открыла ящик в шкафу, который всегда считался ее местом для хранения личных вещей, убедившись, что он и здесь все оставил точно также, как было раньше. Старое белье, которое пора было выбросить и которое она не забрала, кое-какие вещи, что он дарил – телефоны, давно замененные новыми, украшения, неподходящие ее новому образу и брошенные здесь за ненадобностью. Она хорошо знала своего бывшего мужа, а он подходил к этому шкафу только затем, чтобы вытереть пыль во время уборки и только.

Среди старых книг по фотографии, на самом дне ящика, покоилась коробка из под обуви. Она достала ее, сняла крышку и подняла слой шуршащей белой бумаги, которой должны были быть укрыты кеды на зимний период. Но внутри, вместо кед, покоилась коробочка поменьше, а в ней находился настоящий боевой пистолет – черное, блестящее, сверкающее смазкой оружие. Коробочка переключившись в сумочку, в ней как раз оставалось место для пистолета, коробку же из под обуви бывшая супруга вернула туда, где та была. По-

сле этого, не оглядываясь, с безмятежно спокойным лицом, она покинула дом.

Мне же, со своей нечеловеческой позиции, более прочего показался странным не сам факт наличия оружия или потребность в нем, но иное: во мне, в тот момент, было достаточно сил, чтобы влезть в голову любому человеку и, при некотором усилии, узнать его желания и мысли в текущий момент. Я уже мог потратить время и изучить человека, чтобы узнать то же самое о любом эпизоде из его прошлого, как изучал, например, твоего соседа. Это касалось любого человека, но не ее – его бывшая жена не читалась. Ни одной мысли от нее я не смог уловить, и это настораживало гораздо больше пистолета.

Несмотря на свое участие в обществе городских мистиков, он не так уж и сильно верил в городские легенды. Уже тогда он разделял эти понятия – тягу к разного рода неведомому и веру в оное. Превращаться в любителей нью эйджа и становиться последователем медиумов, полуграмотных сект и астрологий всех мастей он никогда не планировал и, надо сказать, с толикой скептицизма относился к людям, которые крестятся перед входом в метро или тем, кто ставит лампадки для защиты от злых духов по углам комнаты. Он верил, что городские легенды – это интересно и красиво, но бояться женщины с разрезанным ртом, гуляющей среди нас, или метровых крыс, живущих в канализации – дело пустое.

Для далеких от городских легенд людей он всегда имел такой ответ:

– Дело не в вере, а в интересе. А ты веришь в то, что показывают в новостях?

Обычно этого хватало, чтобы отвадить всех, кто задает дурацкие вопросы, вроде «а вы правда считаете, что в реке живут русалки?» Уверен, многие из городских мистиков были такими же агностиками от современной мифологии. Разные фрики, утверждавшие, будто Пиковую Даму в самом деле можно увидеть, в их клубе не уживались, и возможно по-

тому клуб, в итоге, постепенно, сам собой, тихо умер ведь все в их увлечении было в некотором роде, понарошку, а играть взрослыми в это «понарошку» со временем становилось стыдно.

Однако, увидев вошедшую в лифт женщину, он, внезапно, вспомнил, что все те шуточные легенды, которые тогда обсуждались, на девяносто процентов имели плохой финал. Увидевший женщину с разрезанным ртом – умирал. Крысы обязательно пожирали водопроводчиков, попавших в их канализационные владения. Людей же в параллельном мире, куда он сейчас вроде как направлялся, не водилось. И как вернуться оттуда – неизвестно.

На женщине было надето короткое платье из тех, что на границе между красотой и вульгарностью, и оно смотрелось бы гораздо лучше, если бы сбоку на нем не имелось несколько темных пятен, словно платье намочили в чем-то липком, а потом попытались отстирать, но вышло только хуже. Колготки, шпильки на туфлях, темная прическа-каре, сейчас лежащая в беспорядке. И очень бледный вид, не скрываемый даже большим количеством косметики. Она была одета не по весеннему: так одеваются девушки в клубах, когда рассчитывают с кем-нибудь познакомиться или же просто желая создать соблазнительный образ, играя на мужских стереотипах.

На секунду взгляд девушки зацепился на нем, и он успел отметить темные круги под глазами, прежде чем она повер-

нулась к лифтовой панели.

Меня она не увидела. Пока что не могла увидеть.

Здесь ему стоило бы выйти из лифта, признав, что не все легенды являются выдумками и спуститься, например, по лестнице. Но остатки света заставили его продолжить. Они одновременно потянулись и нажали на кнопки, он, стоя за спиной девушки – первого этажа, она – шестнадцатого.

Двери лифта начали закрываться. Еще можно успеть выскочить, – только и успел подумать он прежде, чем путь в коридор исчез, и лифт мягко двинулся вверх.

Женщина не обращала внимание на него, смотрела перед собой, стояла пустым, бессмысленным истуканом. Ему она показалась знакомой, но где они могли когда-либо встретиться – сказать конечно же не мог.

Я, в тот момент, не меньше его гадал о происходящем и все ждал, что дорогая подруга соизволит объяснить, зачем ей понадобилось сохранять ее, но та все еще не желала со мной разговаривать, хотя и наблюдала за моей реакцией.

Он убрал руки в карманы, чтобы девушка, если вдруг ей захочется повернуть голову в его сторону, не увидела, как дрожат пальцы, но тут же достал, решив, что, на тот случай, если она вдруг соберется напасть – руки лучше держать свободными.

В его мыслях царил полный хаос.

Она не собиралась нападать, и, когда лифт остановился

на шестнадцатом этаже, просто вышла и повернула направо, оставив его стоять в кабине и набираться смелости: с одной стороны – вот он – шанс, ожившая легенда. С другой – что делать дальше? Так ли он был готов к чудесам, чтобы рисковать?

Он осторожно выглянул в коридор и увидел как женщина, покачиваясь, будто пьяная или в трансе, удаляется, придерживаясь за стену, мимо дверей с номерами квартир. Остановившись перед одной из них, она потянула за ручку и, войдя внутрь, с щелчком закрыла за собой.

Лифт закрылся за его спиной, оставив одного в коридоре в могильной тишине и полутьме.

– Ладно, – пробормотал он сам себе, отметив, что воздух здесь кажется более густым, и медленно пошел в том же направлении, прислушиваясь к происходящему по ту сторону дверей. Та, в которую зашла женщина, значилась под номером «1618». За ней, как и за всеми другими, не доносилось ни звука.

Выждав еще немного, он двинул дальше, до окна в конце коридора, за которым виднелся лишь сплошной белый шум из снега и более ничего.

Других людей здесь нет, – снова вспомнил он.

По прежнему стараясь не шуметь, подчиняясь общему безмолвию, он направился назад, к лифту и нажал на светящуюся кнопку в алюминиевой панели. Двери, с готовностью, открылись.

Он поехал на первый этаж.

– Если и там никого нет – значит сработало, – сказал себе вслух, и ему же самому голос показался неуверенным и напуганным, – а если сработало – значит... значит...

Что же это значит, он не знал и не имел никакого плана на этот случай, и оттого теперь выстраивал в голове схемы, чтобы самого же себя опровергнуть, если результат окажется не тем, который ожидается. Одна из них звучала так:

«Если на первом этаже за столом все еще сидит портье, значит я либо вернулся назад, либо все это было цепочкой странных совпадений».

Поэтому, когда лифт остановился, он вышел и тут же посмотрел в сторону стойки портье. Тот сидел под включенной лампой и, казалось, дремал с открытыми глазами. На нашего незадачливого путешественника он не обратил никакого внимания. На меня, естественно, тоже.

За большим витринным окном продолжала бесноваться погода, виднелись ползающие, едва различимые, тени машин.

Тожe белый шум, совсем такой же, – отметил он, – как на шестнадцатом этаже.

Облегченно вздохнув, он направился к дверям, вышел, окунувшись бурю и долго стоял под снегом, впитывая в себя окружающую жизнь со всеми звуками сотовых у проходящих мимо людей, рыкающих машин, искусственными запахами и бесконечной суетой, которую не могла остановить

даже метель, направившись домой лишь тогда, когда почувствовал, что замерзает.

– Здравствуйте, – сказал он «своему» портье, и тот машинально поздоровался в ответ.

Поднялся на шестнадцатый этаж в лифте с парой мужчин – один был длинноволосым, в какой-то спецовке, вероятно курьером, с большой сумкой через плечо; другой оказался солидным шестидесятилетним, или около того, мужчиной, с большой лысиной и огромными очками. Обычные люди, но ему показалось, что с ними очень безопасно. Мысли о зомби растворялись в настоящем. Какие зомби, когда видишь такой контраст между реальной жизнью и... тем.

В квартире – естественно родные порядок и тишина. Он бросил плащ на тумбу в прихожей и посмотрел в зеркало. Такой же, как и всегда – чуть хуже, чем хотелось бы, но чуть лучше, чем могло бы быть. Дойдя до кухни, нацедил себе коньяка на два пальца и сделал большой глоток и только после осмелился посмотреть в окно на соседний дом. Шестнадцатый этаж. Самый обыкновенный этаж самого обыкновенного дома. Смутно, сквозь снегопад, виднеются окна там, где горит свет. Там, где света нет – не видно ничего.

Ощущение остаточного страха перед неизвестным медленно проходило по мере того, как тепло от коньяка расходилось от живота по организму, прогоняя и холод, и то оцепенение, которому он еще не подобрал нужного слова.

– Твою мать... – пробормотал он, кратко резюмируя свой

отважный поход.

Белые часы на стене говорили, что сейчас двадцать минут восьмого, до нашей встречи оставалось всего сорок минут. Самое время придумывать вопросы для своего гостя, чтобы не растеряться при встрече.

Но он все равно растерялся.

Знаешь Жонглер, чем выше здание, тем больше в нем технических этажей – мест, куда нельзя просто так приехать на обычном лифте и даже с лестницы возможно попасть лишь через специальную дверь, обычно запертую от любопытствующих посторонних. Специальный грузовой лифт, лишенный того удобства, что свойственно обычным пассажирским, курсирует между ними, не попадая на жилые этажи, чтобы ненароком никто туда не забрался.

На технических этажах располагаются опоры для усиления конструкции каркаса зданий, трубопроводы, кабели, насосы и баки для воды на случай пожара – изнанка дома, его жилы и кровеносная система, куда даже работники заходят не часто.

Он, как строитель, естественно знал о технических этажах, а, например, Марта даже не догадывалась, хотя в ее доме таковых было два.

Между пятнадцатым и шестнадцатым этажом твоего дома имеется еще один, вроде как пятнадцатый с половиной, как его называли коммунальщики, или «1Т», как официально он именовался на планах. Марка «1Т» была и на двери, которая вела в него с лестницы. Я хотел обрести тело и поселиться там, чтобы слушать его мысли и даже раздобыл ключи, но, взяв их, я обнаружил, что есть куда более интересное место

в доме – ворота, под названием ОТ, расположенные в подземном паркинге.

Ключи я раздобыл у портье. Поверь Жонглер, самый ненадежный человек в доме – это портье. Чаще всего им является какой-нибудь старичок на пенсии, или студент, подрабатывающий в свободное время, или просто человек, не нашедший себя в жизни. В гостиницах портье, или, как они себя называют – администраторы, совсем другие, с иными функциями, задачами и ответственностью, но в жилых домах им, по сути, делать нечего, кроме как быть живым свидетельством статуса владельцев здания. Пожаловались на перегоревшую лампочку в коридоре – звони электрику, тот придет и заменит. Попросили вызвать такси или скорую помощь – вызывай. Портье – не охранник и ни уборщик, он даже не координирует работу последних, лишь фиксирует их появление и уход. Однако, при этом, у портье есть ключи от всех дверей в доме. Вдумайся – человеку, который ни за что толком не отвечает, вручают ключи от всех дверей. Как можно этим не воспользоваться?

Я и воспользовался. Дождался, пока он пойдет в туалет, заглянул в стол, где ключи и хранились, и взял.

В последние месяцы, благодаря нашей переписке, он все чаще обращался к своей юности, и крохотное пламя, бледный источник света, то чуть разгоралось, то вновь тускнело, когда монотонная жизнь возвращала его к унылой действи-

тельности.

Но он понемногу вспоминал шутки, бывшие в обиходе в их компании, сейчас уже не такие смешные, как раньше; вспоминал знакомые лица, которые можно было найти в интернете, если бы он не боялся увидеть их такими же старыми, обрюзгшими и уставшими, как он сам, и те, с кем в интернете они уже нашлись – с детьми и животиками; вспоминал легенды, которые они рассказывали друг другу.

Например, такую:

Бывает, что ты постоянно встречаешь одного и того же человека. Скорее всего это случайность, просто совпадение расписаний; но бывает и так, что ты чувствуешь на себе чужой взгляд, а обернувшись в поисках его источника – видишь постоянно встречающегося тебе незнакомца. Люди, согласно легенде, инстинктивно ощущают злые намерения, это наследственная память с тех времен, когда они были ближе к животным, чувствующим опасность. Но едва ты перестанешь ощущать взгляд, расслабляешься, посчитав это играми разума, усыпляешь свою животную бдительность, тебя ловят.

Тело потом находят в реке или в печи, обычно изуродованное до неузнаваемости. Но родные и близкие не верят в то, что этот труп – действительно их друг, сын или брат. Потому что тело, которое им показывают судмедэксперты, умерло уже несколько месяцев, а их друга, сына и брата видели живым еще вчера, или даже сегодня. Экспертиза ДНК

в ваши дни вещь очень надежная, но все по прежнему предпочитают верить своим глазам. Умерший несколько месяцев назад ведь только что ходил на работу, пил с вами в одной компании, был весел и улыбочив, писал вам сообщения. Чем же верить – изощренным медицинским выводам или себе?

Поборов первую волну отрицания, родственники и друзья начинают звонить этому человеку для собственного успокоения, только он не берет трубку, на следующий день не является на работу и не возвращается домой. Он просто исчезает.

Легенда конечно так себе, в ней очень много нестыковок и притянутых за уши моментов. Но к нашей ситуации она неплохо подходила, и благодаря этому воспоминанию, у меня появилась идея.

До моего появления он успел переделать множество вещей – сделать себе бутерброд, переодеться, выпить, для храбрости, еще немного коньяка, умыться, посмотреть, лежат ли вещи в порядке, ничего ли не мешает или бросается в глаза. Достать бутылку с коньяком и поставить на журнальный столик возле дивана, а после еще немного выпить.

Я же стоял под дверью и слушал, как он нервно ходит из угла в угол в этих делах, пытаюсь собрать мысли в кучу и определиться с тем, что спросит у меня в первую очередь, а что – во вторую.

Мне требовалось это время на то, чтобы предстать перед ним в самом лучшем виде, таким, чтобы увидев меня, он враз позабыл свою стратегию и не знал, что делать дальше. По истечении десяти минут после восьми, я постучал в дверь и с полминуты ждал, когда он подойдет и посмотрит в глазок, специально встав так, чтобы меня нельзя было в него разглядеть. Ждал, пока замок беспокойно щелкнет, и дверь откроется, неуверенно, но в то же время достаточно гостеприимно, хорошо отражая его состояние. Потом с улыбкой наблюдал, как его глаза расширяются, и на лице появляется выражение одновременно крайней степени удивления и нового страха. Ждал, пока вихрем пронесутся мысли в голове в таком количестве, что он ни одну из них не успеет толком

обдумать. А потом сказал:

– Ну так что, я вхожу?

Он не стал сопротивляться когда я, отодвинув его, оказался в квартире и, пройдя до кресла за журнальным столиком, упал в него.

– Этого не может быть, – произнес он, по прежнему стоя у двери.

– Знал бы ты, сколько раз я слышал это «не может быть», – ехидно заметил я, – человек удивляется всему не типичному только потому, что сам ведет себя чересчур типично и предсказуемо и ждет того же от окружающего мира. Я думал, что после похода в тот дом, ты уже подготовился к разного рода странностям. Хотя, признаюсь, такого от тебя не ожидал. Садись, нам есть что обсудить.

Он послушно и медленно закрыл дверь и направился к дивану. Осторожно сел на край и, наклонившись, внимательно посмотрел мне в лицо.

– Кто ты такой? – еще один банальный вопрос. Его руки снова дрожали: когда он потянулся к стакану с коньяком, то едва его не расплескал.

– Послушай, – я откинулся в кресле и положил ногу на ногу, – ты пьешь и пьешь, день за днем. Пусть и понемногу, но твой мозг получает дозу яда, уже скорее незаметную, и организм к ней давно привык. Скажу больше, в человеческом теле всегда содержится некоторое постоянное количество алкоголя, а в твоём теперь, при гипотетически трезвом

состоянии, он ниже естественного значения, соответственно меняется и уровень гормонов в организме, которыми у тебя регулируется все, в том числе и настроение. Кстати, алкоголь – это продукт жизнедеятельности дрожжевых бактерий, ты знал об этом? Впрочем, неважно. В таких условиях мозг начинает работать не так, как должен, а, стало быть, в какой-то момент обработка информации от нейронов, при измененном состоянии сознания, может сложиться в иную картину мира, как у человека, скажем, склонного к депрессивным состояниям. Так, возникает, например, белая горячка.

– Ты хочешь сказать, что у меня белая горячка?

– Я хочу сказать, что сейчас ты в своем обычном состоянии, восполнив недостаток гормонов до нормы алкоголем. Пьян, напуган, растерян, да еще и ходил в дом напротив, но в состоянии нормальном... Кстати, ты правда веришь в то, что катаясь на лифте можно попасть в другой мир?

Он поставил стакан на стол, так и не отхлебнув и посмотрел на жидкость в нем.

– Ты знаешь кто та женщина?

– Знаю. Могу даже сказать, что она – не человек.

– А кто?

– Вообще-то я пришел говорить не о ней, а о твоей жене, – я вздохнул и, с искусственной, теперь сочувствующей, улыбкой, посмотрел на него максимально теплым, как умел, взглядом. Порыв ветра с мрачным гулом дунул в окно, слов-

но отвечая на его тяжелые хаотичные мысли, – ты, вот, не знал, что семь месяцев назад она приходила сюда и забрала пистолет.

– Какой пистолет? – предсказуемо не понял он.

– Вот видишь, даже не знаешь, что у нее есть свой собственный пистолет, – я хмыкнул, – твоя жена не стала проституткой, не переживай на сей счет. И я готов показать то, что успел о ней узнать. Как ты на это смотришь?

– Ты хочешь сказать, что она ушла по какой-то другой причине?

Скажи, Жонглер, почему люди, в твоё время, стали так односложно общаться?

– Первое время ты думал, что она – творческий человек. После оказалось, что это не совсем так, но ты уже принял ее со всем враньем и отступать не хотел, потому и женился. В юности, кстати, возможно она и мечтала стать фотографом, но когда выяснилось, что для этого нужно больше сил, чем просто щелкать камерой: рассылка работ на выставки, обработка, бесконечная конкуренция, негативные отзывы, – то стала откладывать это и затянула до тех пор, пока не оказалось, что, в некотором роде, начинать уже поздно. Но образ по прежнему поддерживала, потому что на тот момент ей так было нужно. А нужно для того, чтобы никто, в том числе и ты, не узнал настоящей правды. Когда ты стал скорее мешать, чем поддерживать ее образ – она ушла. Я так считаю и имею достаточно оснований для своей точки зрения.

Мы смотрели друг на друга. Я ему улыбался, он мне – нет. Я продолжил:

– Покинув свою маленькую компанию чудиков ты растерял последнее от человека, которому хоть что-то было интересно и с головой ушел в работу. Спору нет, работать у тебя получается неплохо, но ты – типичный середнячок, качественный профессионал, та трудовая лошадка, на которых держится человечество. Тем и гордишься, хотя это – сомнительная ценность. И все-таки, сегодня ты увидел чуть больше, чем видят другие. А я могу показать еще больше. Твоя бывшая жена – непростой человек и это стоит знать.

В тот вечер от него шел тусклый, грязный свет, которого, в отличие от твоего, совсем не хотелось касаться, но все же даже он был лучше, чем полное отсутствие света, свойственное многим другим людям или, тем более, чем то аномальное слепое пятно, какое было у его бывшей жены.

– Я по прежнему не понимаю, кто ты такой, – сказал он, – и почему это нужно именно тебе. Ты – это я?

И я впервые, за много лет, расхохотался.

– Ты понял? В смысле, шутку, что я – любовник твоей жены, правда? Я ведь имел ввиду именно это! Ох, прости меня, человеческое свойство смеяться такое приятное!

На самом деле, конечно мы выглядели не одинаково, но он этого не отрефлексовал, так как перед своим внутренним взором, глядя в зеркало, всегда представлял себя именно таким, каким перед ним появился я: не уставшее лицо с опу-

ценными уголками губ и мешками под глазами, с вечно отсутствующим взглядом в то время, когда он не думает о работе, – нет! Живой умный взгляд и слегка взъерошенные волосы, вовсе не для того, чтобы скрыть лысинку на макушке, но чтобы выглядеть привлекательнее. Не нездорово-бледная кожа от малого количества солнечного света, а обычная и чистая. Никаких морщинок в районе глаз, никаких выступающих щек. Не стал я копировать и его грушевидное тело, про которое он сам себе врал, будто, втягивая живот, выглядит неплохо. Дряблые, пусть и довольно большие руки, которые он все пытался выдать за мускулистые, у меня были подтянутыми. И одет был хоть и почти также: в джинсы и чуть более демократичный, «пятничный» пиджак, но, вместо мерзкой коричневой рубашки под пиджаком, которую ему как-то подарила жена, декларирующая художественный вкус, у меня была футболка.

В общем, для тридцати трех лет я выглядел куда достойней. Однако сейчас он смотрел на меня, а видел свое собственное лицо.

Четыре месяца назад, не считая нескольких дней, он все-таки снял проститутку, пусть и с моей помощью. Дело было под новый год, и его руководство решило всех порадовать корпоративом в баре крафтового пива. Идея оказалась не очень хорошей, так как большая часть женщин с работы пиво не любила и к барам относилась, в целом, негативно, несмотря на заверения директора, что здесь каждый-де найдет себе напиток по вкусу.

К десяти вечера большая часть коллег разъехалась, а оставшиеся, уже изрядно под хмелем, собирались разъезжаться. Время отведенное на корпоратив тоже закончилось и бар был открыт для всех желающих. Мой будущий худший двойник, если можно так выразиться, был по настоящему пьян. То ли атмосфера бара на него подействовала, то ли выпил что-то неожиданно крепкое, то ли отвык пить пиво, отдавая предпочтение коньячным спиртам, но, так или иначе, он впал в состояние, когда время стало идти слишком быстро. Казалось, вот только что директор говорил о новых горизонтах, которые вот-вот откроются в их компании, о том, что все было сделано «благодаря вам, любимые наши сотрудники», и разные другие сладкие обязательные лицемерия. Вот только что пара человек из его отдела спорила по рабочим моментам. Вот человек, сидящий рядом, говорил, что соби-

рается выйти и позвонить. В какой-то момент мысль перестала догонять происходящее, отчего все смешалось в кучу так быстро, что он не успевал все раскладывать по полочкам в своей голове и в один миг вдруг обнаружил себя сидящим в одиночестве за стойкой бара, потягивающим какой-то кофейный стаут, и ни одного знакомого человека рядом.

Я тоже был в этом баре и ловил сумбур в его мыслях, когда почувствовал знакомое присутствие совсем рядом с этим заведением. Дорогая подруга давала мне понять, что к бару приближается его бывшая супруга и, стало быть, желала моих действий.

С одной стороны мне было конечно интересно, что сказала бы она, увидев бывшего мужа, пьющего в одиночестве в баре, но это могло сломать весь план. Кроме того, непонятная мне хищность, сквозившая из нее – настороженность и, в то же время, уверенность в себе, совместно с моей невозможностью залезть к ней в голову, была очень странной. Тогда я еще не понимал сути плана и не был уверен, что это взаимосвязано, но, решив подстраховаться от возможных инцидентов, выскользнул из заведения и подошел к ближайшей женщине, курившей у крыльца уже в том облике, в котором он меня встретит через четыре месяца.

– Привет, – я посмотрел на нее и улыбнулся так, что она не смогла не обратить внимание, – извини, если отвлекаю, но можно тебя попросить о помощи? – и, прежде чем она успела ответить, продолжил, – дело в том, что сюда сейчас

подойдет бывшая жена, а я не хочу, чтобы она видела во мне полного неудачника, который пьет пиво в одиночестве. Может быть составишь компанию? Я тебя ни к чему не обзываю, просто прошу. Нужно лишь сделать вид, будто ты со мной знакомишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.